

В конце 1934 года на карте страны появился Красноярский край. Партийная организация Ленинграда взяла над ним шефство, послав сотни своих грамотных активистов на работу в Красноярье. Одним из них был Николай Мигдалов — красивый парень, футболист. В 1935–1936 годах он работал директором Миндерлинской МТС, а в 1937–1939 годах избирался первым секретарём РК ВКП(б) (до ареста как «врага народа»). И все эти годы он играл в футбол, причём очень хорошо. По воспоминаниям А. Черкашина, участвовал в товарищеских встречах с большемурутинцами, что само по себе — факт для тех лет удивительный: первое лицо района на поле в трусах гоняет мяч.

И вот, после перерыва в двенадцать лет, в июне 1952 года спортивные руководители районов Вохмин и Шарифулин договорились о восстановлении традиции — о товарищеских встречах по футболу. В один из воскресных дней конца июня наша команда выехала в Большую Мурту на самосвале. Об «узаконенном» пренебрежении к технике безопасности свидетельствовал факт наличия специально изготовленных скамеек поперёк кузова с зацепами за борта. Как один из нападающих, я бежал быстро, но с нулевым эффектом, ибо меня встречал опытный и жёсткий защитник, мужчина средних лет, он запугал меня. Не отличились и более опытные наши игроки. Мы проиграли матч со счётом ноль-два.

— Садитесь, едем в чайную! — скомандовал руководитель вояжа Михаил Вохмин.

Уже несколько веков в Сибири на трактах, на ямщицких станках, в волостных сёлах, существовали пункты чаепития и обогрева, сохранились они и в советское время. Не столовые, не кафе, а чайные; в Миндерле вывеска «Чайная» висела до семидесятых годов века двадцатого. Содержали их сельские потребительские общества (сельпо). В больших зданиях в залах сидели за столами вкруговую на табуретах проезжие, а в райцентрах — приезжие люди. В верхней одежде, сбросив её в угол у двери. Обслуживали официантки. Меню без изысков: щи, супы, каши, котлеты, блины, компоты, кисели. Цены низкие. В глубокие тарелки щей наливали раза в три больше, чем сейчас, пирожки огромные. Многие сельчане доставали из котомок свой

запас — хлеб, сало, яйца — и заказывали только горячий чай в эмалированных кружках. Шумно. Все — как одна большая семья. Вот бы журналистов и краеведов туда: за час-два накопили бы информации на десятки заметок, затесей, эссе.

При чайных имелись закутки за ширмами или рядом с кухнями для застолий по заказу, с алкоголем. Пить водку и вино в зале запрещали. Заходим в такую комнатёнку: на столе «батарея» — десятка три бутылок с водкой. Сели на лавки вокруг обе команды. По традиции, сохранившейся и ныне, победители праздновали победу, а проигравшие заливали праздничным горечь поражения. Думаю, что Б. Н. Ельцин — хороший волейболист, игрок сборной вуза, города и Свердловской области, — и привык к злодейке с наклейкой после подобных послематчевых сборов. Налили водки и нам — непьющим мальчишкам. После второй зашумели, а после третьей и последующих (кто сколько хотел) началось братание, вопросы типа «ты меня уважаешь». Наш центровой — девятиклассник Толя Р. — плакал (он обещал своей любви — восьмикласснице гол забить, но не получилось).

Выехали домой уже в темноте. Мы, юные запасные, упали на дно самосвала, перевернули банку с машинным маслом, и нас по нему мотало между ног сидящих и орущих песни футболистов. Ночь короткая, ехать сто километров. Прибыли на рассвете. Когда спрыгнули мы вниз — врыв хохота, одежда стирке не подлежала. Зашёл во двор дома, где снимал квартиру, на крыльце встретила хозяйка, воскликнула:

— О, как ты нафутболился!

Через неделю с ответным визитом прибыли большемурутинцы. Вохмин уговорил их поехать в Атаманово, на стадион пионерского лагеря. Увидев в составе нашей команды накачаных мощных ребят, гости поняли, что это подставные, вожатые из Норильска. Играть отказались.

Первая колхозная спартакиада

Лето живу в Сухобузимском, жду результатов от комиссии из Красноярска, какова оценка за сочинение: от неё зависит, получу серебряную медаль или нет. Встречает нас с одноклассником Сергеем Ядринкиным Михаил Вохмин:

— Через неделю в городе пройдёт спартакиада общества «Колхозник». Собираю команду, включил вас, но не как учеников, а как колхозников. Еду в Карымскую за справками.

— Можно, и мы с вами съездим?

— Садитесь!

Залазим в кузов того же самосвала, но без скамеек.

Побывали в Подсопках, в Карымской. Пока ждали председателей, потом счетоводов, выписавших справки, наступила ночь. Особая, аномальная температура опустилась до нуля—и это в середине лета. Кузов самосвала остыл, мы с Сергеем в лёгких рубашках лежали в обнимку, друг друга согревая. Едва дотерпели. Это чудо, что не заболели.

В СССР всегда и везде умели на самом высоком уровне проводить массовые мероприятия: фестивали, слёты, дни молодёжи, смотры, спартакиады. Яркое и для нас, сельских ребят, необычное впечатление произвела и первая краевая спартакиада общества «Колхозник», прошедшая в двадцатых числах июля 1952 года.

В программу входили лёгкая атлетика, гиревой и городошный спорт, игра в лапту, стрельба, футбол.

Наша команда на том же злополучном самосвале выехала в пятницу под вечер. Красноярск встретил нас морем огней. Нас ждали. Разместили в спортзале одной из школ; спали на матах, но и одеяла с подушками имелись. Утром прошли аттестационную комиссию.

Верхи при создании общества допустили стратегическую ошибку: если работники сферы обслуживания, врачи, учителя, культработники, учащиеся были детьми колхозников, то при личном желании становились членами общества «Колхозник»; если же их родители работали в других местах, то выступать на спартакиаде они не имели права. Перегиб. У Сергея Ядринкина отец работал конюхом в райфинотделе. А какая разница, где конюшил отец большого семейства—в колхозе или не в колхозе? Или в нашей семье: отец трудился на должности председателя сельпо, а ведь сельские потребительские кооперативы—те же мини-колхозы. Так за бортом сельского спорта оставалась значительная часть сельских жителей. Вскоре ошибку осознали: через год было создано спортивное общество «Урожай» с привлечением сельской интеллигенции, рабочих и служащих совхозов и МТС. Ещё через год общества объединили в единое—«Урожай», оно существует до сих пор. Тогда же М. Вохмин вынужден был «химичить», а мы трое, к сожалению, врать.

Захожу в кабинет. Члены комиссии настроены доброжелательно, задали несколько вопросов:

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Где и кем работаешь?

— В колхозе имени Куйбышева. На разных работах.

— Что делал на этой неделе?

— Сено мечем. Езжу на конных граблях.

— Желаем успехов!

И дали талоны на питание.

Открытие на стадионе «Динамо» прошло шумно, красиво, празднично. Делегации районов растянулись по улице Богграда на целый квартал. Со стороны улицы Вейнбаума временно разобрали забор. Впереди шли под музыку в спортивных костюмах знаменосцы. За ними ехали три тройки с колокольчиками и лентами на дугах. Далее—команды районов по алфавиту со своими эмблемами, с лозунгами. Некоторые несли мячи, городошные палки, на ходу выбрасывали гири. Запрудили весь стадион. Прозвучали приветствия, подняли флаг. Спортсмены заняли трибуны, и около часа шли представления: коллективные гимнастические упражнения с цветами, танцевальные номера, карусель акробатов.

Нежданно—рекордсмен края

На другой день утром начались соревнования. На стометровке я выиграл свой забег. В финале прибежал вторым, то есть, по сути, стал вице-чемпионом края среди сельских спортсменов. Мысль о каком-то успехе тогда в голову мне не приходила.

Болезницкие страсти двухлетней давности не пропали зря: умел стартовать с колодок, бежать свободно и правильно работать руками. На другой день одним из видов соревнований была эстафета 800-400-200-100 м. В нашем забеге семь команд. На первом этапе Володя Рубчевский от лидеров чуть приотстал. А вот наш бегун на четыреста метров свой этап завалил, передал мне палочку последним, метрах в тридцати от остальных, бежавших кучно. Я босиком что есть силы рванул догонять их, догнал и перегнал. Как говорили мне—это выглядело необычно и красиво, публика удивилась и заплодировала. Под занавес соревнований объявили:

— Легкоатлет Килин из Канска выступит на побитие рекорда общества «Колхозник» в беге на четыреста метров!

Килин бежал один, оказался высоким, мощным и полноватым мужчиной, бежал, отклоняясь назад, и всё же рекорд побил. Вохмин и другие наши ребята подбегают ко мне:

— Давай зайвим тебя на побитие рекорда на двести метров!

Согласился. И судейская коллегия согласилась. Бежал один, рекорд края—25,2 с—повторил. Результат слабенький, но с таких рубежей стартовал сельский спорт.

К лету 1956 года я свои результаты довёл в беге на сто метров—до 10,8 с (первый разряд, так бегали в крае пять человек), на двести метров—до 24,00 с (второй разряд для тех лет),

в десятиборье—до 5000 очков (второй разряд по старой таблице). <...>

После успешного выступления на первой спартакиаде общества «Колхозник» вернулся домой. Отец ворчал:

— Поезжай, получай аттестат, теперь ясно, что медали не получишь. До первого сентября осталась неделя, а надо ещё добраться в Томск!

Он знал, что я решил поступать на радиотехнический факультет Томского политеха.

Снарядили меня в путь, мать зашила половину денег в майку, взял небольшой чемоданчик-баulet—и на пристань, на катер, на ж.-д. вокзал. Билеты—только на проходящие поезда, очереди огромные. Пришлось ночевать у Сухоруковых, где когда-то с сестрой проживали. Дядя Саша, уже десятки лет работавший осмотрщиком вагонов—прозванивал колёса, предложил:

— Приходи часа в два, посажу тебя на товарняк, доедешь до станции «Тайга», а оттуда на электричке в Томск.

Пошёл пешком пораньше. Иду мимо здания пединститута, бывал в нём с сестрой раза три, рассматривал в витринах заспиртованных мелких животных. И как будто кто-то подсказал: «Зайди!»

Дежурная спросила:

— Поступать? Приёмная комиссия на втором этаже.

Поднимаюсь. Навстречу идёт невысокого роста плотно сбитый мужчина, чернявый, нерусский. Подаёт руку и с акцентом весело говорит:

— Чемпион «Колхозника» к нам пожаловал. Видел, видел, как ты в эстафете всех «съел» на двухсотметровке. Поступишь—приходи к нам на кафедру, в подвал слева.

То был заведующий кафедрой физвоспитания кореец Александр Тихонович Ким. Походив по зданию, вышел я на улицу и присел на диван-скамейку, задумался: «Почему, собственно, выбрал радиофак? Ведь к технике пристрастия нет; главные интересы—спорт, литература и стихи (районная газета опубликовала несколько моих стихотворений). Чем плоха профессия учителя литературы?» Вспомнил, что наш «самоделкин» с улицы Береговой Толя Маляренко несколько раз говорил, похлопывая по плечу: «Витька у нас будет учителем!» Не зря, наверное. И лёгкой атлетикой буду заниматься параллельно. И квартира в Красноярске есть.

Хорошо, когда выбор заканчивается правильным решением, и оно оказалось правильным. Сдал неплохо экзамены на литературное отделение историко-филологического факультета КГПИ. Сижу во дворе института, довольный. Идёт Агния Васильевна:

— Ты что, Витя, здесь? Не поехал в Томск?

— Нет, не поехал, поступил на литфак.

— Почему не на физмат?—встреонулась она.— Литературой, стихами можно заниматься всю жизнь. А вот физику самостоятельно не освоишь, хотя она даёт основные знания об окружающем мире, на ней основана философия. Переходи на физмат, я договорюсь, досдашь нужные предметы.

«А почему бы не попробовать?»—подумал я и, досдав экзамены по математике и физике, стал студентом физмата. Как говорится, и «физиком», и «лириком».

Первые победы

Среди четырёх факультетов физико-математический занимал лидирующую позицию. Причин тому несколько. Преподавательский состав на всех факультетах в пятидесятые годы был хорошим, дело не только в званиях, в опыте. Но—всегда и везде симбиоз высшей школы и науки даёт лучший результат. Уже более пяти лет проводились научные изыскания в магнитной лаборатории под руководством Леонида Васильевича Киренского. Оказалось, что здание женской гимназии, в которой занимались два факультета, построено из кирпичей, без железа, а для опытов по ферромагнетизму—это главное условие, и в подвальном помещении обосновался учёный люд, появилась аспирантура. По ходатайству Киренского научным руководителем стал профессор Б. Ф. Цомакион из плеяды создателей современной физики в начале двадцатого столетия. Он ещё в 1905 году защитил докторскую диссертацию. О его познаниях в области теоретической физики, о владении математическим аппаратом говорит такой факт. На титульном листе учебника «Основы электродинамики» её автор—лауреат Нобелевской премии академик И. Е. Тамм—в рамочке, так, чтобы прочли, поместил следующий текст: «Автор благодарит профессора Б. Ф. Цомакиона за редактирование моего труда». Подпись: Тамм.

В 1935 году в составе военной делегации под началом М. Н. Тухачевского Борис Фёдорович ездил в Германию. После ареста и расстрела маршала как «врага народа» попал в гулаговские застенки и Цомакион. Отбыв срок, жил как ссыльнопоселенец в Большой Мурте и в Сухобузимском, преподавал в школе физику.

Л. В. Киренский как-то узнал о гениальном ссыльнопоселенце и после смерти Сталина добился перевода Цомакиона в Красноярск научным руководителем аспирантов и магнитной лаборатории. Были защищены десятки диссертаций, лаборатория стала ядром будущего Института физики, а тот—ядром филиала Сибирского отделения РАН. Естественно, что на физмат стало поступать всё больше юношей. И ещё одним фактором негласного лидерства факультета стал тот, что руководил им талантливый, яркий человек—декан Александр Яковлевич Власов. Он—сын железнодорожника,

окончил КГПИ, прошёл через горнило Отечественной войны; поощрял, поддерживал инициативных преподавателей, аспирантов, студентов.

Одной из прекрасных традиций на факультете было шефство студентов старших курсов над группами первокурсников. Помню, уже в первые дни учёбы пришла к нам Аня Лаврентьева, третьекурница, и побеседовала с каждым по вопроснику: почему решил поступить в пединститут, каковы интересы, в каких кружках хотел бы заниматься (предлагался их перечень), участвовал ли в художественной самодеятельности, спортивные успехи.

Вскоре после её анкетирования мне предложили войти в состав редакционной коллегии, выпускающей стенгазету и сатирический листок; пригласили в секцию лёгкой атлетики общества «Буревестник».

Во второе воскресенье сентября на стадионе «Локомотив» проводились однодневные соревнования на первенство между факультетами по лёгкой атлетике.

Примерно на равных соперничали три факультета: физмат, где были сильны юноши и слабы девушки, естественно-химический факультет с хорошими зачётницами-девчатами и истфил с ровным составом тех и других. Иняз при отсутствии ребят не соперничал. Настроение праздничное, народу много, звучит музыка. В беге на короткие дистанции уже несколько лет был фаворитом Герман Глянь — спортсмен резкий, опытный, прошедший горнило многих соревнований, по характеру самолюбивый, занозистый. Мы с ним в беге на сто метров поделили первое место, финишировали одновременно, показав, кстати, неплохое время (тогда) — 11,8 секунды. Третьим прибежал первокурсник истфила Дима Германович.

Завершились соревнования эстафетой четырёх по сто метров среди юношей. Мне доверили последний этап. Палочку я принял чуть позже Германа, но перед финишем стал обходить его. То ли от злости, то ли от дури, он бросил палочку, за что, по правилам, команду дисквалифицировали. Красивый поступок Гляня осуждали все.

Через неделю там же прошли соревнования по лёгкой атлетике, теперь на первенство вузов и техникумов города. Свой забег я выиграл, попал в финал. Диктор объявил:

— В финале бежит рекордсмен среди студентов края в беге на сто метров Дронов.

Время рекорда приличное — 11,4 секунды, выше второго разряда. Но Дронов оканчивал СиблТИ, вероятно, форму потерял, и я выиграл соревнования с уже «привычным» результатом — 11,8 секунды. Больше других искренне и бурно радовался моей победе присутствующий как зритель земляк из деревни Ново-Николаевки, фронтовик-разведчик,

Финал забег на 100 м на легкоатлетических соревнованиях между факультетами КГПИ. Слева направо: Г. Исаченко, Д. Германович, В. Аференко (1 место, рекорд вуза), Г. Глянь (11 место)

кавалер ордена Александра Невского Артём Николаевич Тупилко.

В сентябрьский номер большой факультетской стенгазеты поместили моё стихотворение «Спринтеру». Сам удивляюсь до сих пор, кто мне тогда «надиктовал» сей спич.

«На старт!» — отрывисто и чётко
Ему командует стартёр;
Упёршись в твёрдые колодки,
Он штурмовать готов рекорд.

Он весь — стремительно — единый
Из мышц спрессованный комок.
«Внимание!» Выстрел! Как пружина,
Мгновенный делает рывок.

Мелькают серые трибуны,
Зелёный крашенный забор;
В глазах блестит весёлый, юный,
Бодряще-радостный задор.

Хвост серой пыли вьётся следом,
Он к цели движется стрелой,
И ветер будущей победы
На ключья рвётся за спиной.

В основное здание КГПИ, где занимался физмат, на общие лекции приходили студенты литфака. Прочитав стихотворение, они смеялись от души. А как же не смеяться над «из мышц спрессованным комком», над «зелёным крашеным забором», над «хвостом серой (мифической) пыли» и «ключьями ветра победы». Думаю, что странные строки породила эйфория успехов семнадцатилетнего сельского парня.

«Во главе с товарищ Кимом»

В июне 1952 года в Курске проходила летняя спартакиада педвузов РСФСР. Их в республике

Сборная команда легкоатлетов Красноярского пединститута (1952–1955 годы) — лучшая команда педвузов Сибири и Дальнего Востока. Слева направо за инструктором общества «Буревестник»: Антонина Рябчикова, Тамара Тимченко, Аня Кудрина (все — с естественно-химического факультета), Дмитрий Германович (истфил), Виктор Аференко, Александр Родичев, Иван Талашкевич (все — физического-математического факультета)

насчитывалось более ста. Институты разбили на три группы с разным представительством. К первой отнесли элитные учебные заведения: Ленинградский институт имени Лесгафта, Московский областной имени В. И. Ленина и ещё с десяток. Ко второй — большие по числу студентов педвузы, имеющие физкультурные факультеты. К третьей — остальные, малые, причём при наличии разрядников (по их заявкам). Из красноярского института участвовала команда из десяти спортсменов-легкоатлетов, выступила успешно, заняв по третьей группе второе место.

В декабре 1952 года пришло приглашение на вторую спартакиаду (конец июня 1953 года) в городе Ленинграде на тех же условиях. Сразу же зимой мы начали тренироваться. Легкоатлеты всего мира перешли на круглогодичные тренировки по примеру Эмиля Затопека, победившего на Олимпиаде 1952 года в Хельсинки в беге на пять тысяч метров, десять тысяч метров и в марафоне.

Из десяти членов команды 1952 года осталось трое, но зато на первые курсы КГПИ поступило несколько перспективных легкоатлетов, в том числе автор книги. Тренером на общественных началах стал аспирант физмата Саша Родичев. Тренировались в вечерние часы в спортзалишке длиной тридцать метров и в коридоре бывшей школы, здание которой арендовал истфак; весной же — на стадионе «Локомотив».

И вот вечером двадцатого июня 1953 года занимаем полки плацкартного вагона и едем в Москву. Нас десять человек: руководитель — заведующий кафедрой физвоспитания Александр Тихонович Ким и девять спортсменов — Саша Родичев (прыжки в длину, метание диска, эстафета 4 × 100 метров); ассистент Зорий Краснов (прыжки в высоту), Гриша Исаченко (бег 400 метров, 1500 метров, эстафета 4 × 100 метров); Виктор Аференко (бег 100 метров, 400 метров, эстафета 4 × 100 метров),

Дмитрий Германович (бег 100 метров, 400 метров, эстафета 4 × 100 метров); Тамара Тимченко (прыжки в высоту, эстафета 4 × 100 метров), Аня Кудрина (бег 100 метров, 800 метров, эстафета 4 × 100 метров), Тоня Рябчикова (толкание ядра, эстафета 4 × 100 метров) и бегунья на 100 метров и в эстафетах N (фамилию забыл).

Со дня окончания Великой Отечественной войны прошло восемь лет. Но о тех суровых годах напоминало многое. Почти на всех больших вокзалах пели песни увечные гармонисты, им бросали в фуражки мелочь. Особенно запомнился высокий подслеповатый мужчина в Ачинске. Он исполнял песню, которую ни до этого, ни после я нигде не слышал. Судя по словам — из глубин фольклора военного времени. Оригинальными были и слова, и манера исполнения, с жалобным придыханием, с неожиданными паузами: «Родной сынок, по радиво собчили, что ты живой и крепко бьёшь врагов; соседи приходили, проздравляли и говорили: „Ванюша был таков“». Также на стенах длинных пакгаузов, складов бросались в глаза лозунги: «Наше дело правое, враг будет разбит, Победа будет за нами!»; «Всё для фронта, всё для победы!» и др. Помню, и у нас в Атаманово девушки-комсомолки исписали известью подобными лозунгами многие заборы.

В первой половине года произошло несколько судьбоносных событий: пятого марта умер И. В. Сталин, весной Л. П. Берия объявил большую амнистию, а в мае был арестован как «английский шпион». В Боготоле, где сменялись паровозные бригады, поезд атаковали получившие свободу бывшие заключённые, в основном уголовники. Наши проводницы как-то сумели от них отбиться. А вот в Анжеро-Судженске, где поразили своей высотой терриконы, к нам в вагон зашли человек пятнадцать амнистированных. Никого не трогая, позалезали под потолок — на третьи полки, где

хранятся матрасы. Некоторые доехали с нами до Москвы. Более того, на стадионе «Петровский» в Ленинграде, где проходили соревнования, встретили одного из них — уже как «доброего» знакомого.

Ехали более четырёх суток. Там, где в течение тридцати-сорока минут менялись паровозные бригады, проводили пробежки и делали упражнения. На пропитание деньги нам выдал А.Т. Ким: покупали к чаю (в бачке постоянно был кипяток) продукты у разносчиков и на станциях, на толкучках. На одной из них польстился на блины из «белой муки», что продавала старушка, прикинул, что цена сносная. Оказалось, что блины испечены из одного картофеля, холодны и невкусны. Конечно, читали, играли в карты. Однажды часа два подряд пели песни: начали наши девушки, после подхватили почти все пассажиры. Мне понравилось, лёжа на верхней боковой полке, смотреть в окно, наблюдать за видами и строениями, что проносились мимо. Вообще по железным дорогам страны проехал не менее ста тысяч километров и так и сохранил страсть к наблюдениям из окон. Бывшие заключённые играли с нами в карты — в очко на деньги. Это не преферанс, усвоенный позже. Игра неприхотливая. Если карты не помечены, то все в одинаковой мере выигрывали, набирая наибольшую сумму очков (максимум — двадцать одно) из трёх карт. Где-то в середине пути я сочинил небольшое шуточное стихотворение:

Чёрным дымом задымив,
Мимо станций, нив и склонов
Пробежал локомотив
И вильнул хвостом вагонов.

Едем мы в одном из них,
Люди разного масштаба,
Начиная от больших
И кончая самым слабым.

Языки подотточив
И очко приняв за стимул,
Едут, едут хохмачи
Во главе с товарищ Кимом.

Стихотворение ребятам понравилось, а Саша Родичев прочёл его и нашему руководителю. Александр Тихонович смеялся заразительно и оригинально, как бы всхлипывая. В Москву приехали рано утром, ещё не работало метро, которое все жаждали посмотреть. Нас встретил Коля Крюков — друг Родичева, выпускник физмата, призванный в войска НКВД (Саша, наверное, послал ему телеграмму). Крюков был в форме и рассказывал, какие напряжённые часы пережила Москва в день ареста Берии.

— Главную роль сыграл Г.К. Жуков, введя танки, — так закончил рассказ наш красноярский земляк.

В Ленинград мы ехали в общем вагоне, сидя на лавках, утомились. Правда, недалеко от станции

Бологое поезд стоял часа два в поле. Оказывается, на соревнования ехали ещё несколько команд. Все стали разминаться. А рядом с дорогой косил сено мужчина средних лет, как пояснил он, переживший блокаду.

— На соревнования везут вас, — ворчал косец, — готовят бездельников. Вы, небось, и траву не косили!

Я попросил у него литовку. Спросил: — Ещё есть?

Мужик достал из под валка другую косу. И мы с Сашей прошли по два широких прокоса. — Молодцы, — похвалил нас абориген. — Откуда? — Из Красноярского края. — Сибиряки, значит!

Идею сбора и содержания за государственный счёт тысячи студентов — будущих учителей — я считаю блестящей.

Во-первых, множество контактов детей войны народа-победителя, народа-созидателя. Атмосфера большого, съезжего, как в старину, праздника.

Во-вторых, знакомство с великим городом. К сожалению, тогда о подвиге его, о выживании в девятьсот блокадных дней как бы «забыли». Через двенадцать лет, летом 1965 года, мы с женой побывали в Ленинграде по турпутёвке, проехали с экскурсоводом по городу на автобусе, который привёз нас на Пискарьёвское кладбище, где покоятся девятьсот тысяч ленинградцев, умерших в годы войны. Никакими словами не выразить боль восприятия, увиденное и услышанное. Блокадные дни останутся незаживающей раной, памятью на века.

В-третьих, приобщение к высокой культуре, знакомство с мировыми шедеврами. В третий день соревнования закончились рано. После обеда всех спортсменов на морском буксире свозили на экскурсию в Петродворец. Его полностью ещё не восстановили. На берегу Финского залива тянулись забитые досками достопримечательности, на досках крупно — надписи: «Опасно! Обстреливаемая зона». Нас на два часа «отпустили» для свободного осмотра лесопарка с аллеями, с прудами и каналами, с фонтанами, в числе которых был восстановлен и «Самсон». Возвращались в сумерках мимо сияющего огнями Кронштадта.

На стадион и в места проживания приносили билеты в кинотеатры и на спектакли. Наша команда просмотрела новый кинофильм и посетила спектакль в театре кукол Образцова «Под шорох твоих ресниц». Нам разрешили прожить в Ленинграде ещё два дня, причём с талонами на питание в небольшом ресторане. Один из дней мы провели в Эрмитаже. Билет стоил копейки. Экскурсантов мало. Прошли под оком зрителей по всем этажам. Идёшь сам по себе, рассматриваешь мировые шедевры, присоединишься на время к какой-либо группе, слушаешь экскурсоводов-знатоков.

В 1965 году ситуация поменялась резко: через каждые пять минут одна за другой отправлялись группы, никто свободно не ходил.

В конце того первого посещения при выходе прочёл объявление: «В подвальном помещении Эрмитажа работает выставка древних мумий». На другой день сходил на неё. Что сказать о прикосновении к вечности? Всё удивительно, особенно многие метры одеяний из белой тонкой материи. Организаторы выставки разместили мумии, развёрнутые и полностью, и частично, и так — у нескольких тел, чтобы показать огромную длину одеяний.

Теперь об итогах соревнований. Они прошли для нашей команды с драматическими коллизиями. В первый день выполнили нормативы мы с Димой Германовичем, пробежав дистанцию 100 метров в разных забегах с одинаковым временем — по 11,5 секунд, а также прыгуны в высоту З. Краснов и Т. Тимченко (соответственно 175 и 150 сантиметров), наша бегунья на 100 метров. Но А. Т. Ким и Саша Родичев пришли с мест метаний (на запасном поле) опечаленные: диск, пущенный Родичевым, едва перелетел черту 30 метров (а для зачёта надо 32 метра); ядро же Тоня Рябчикова послала к черте 10 метров, а надо за 10,5 метров.

Приходим на другой день на стадион, там размещены таблицы с итогами дня первого, и к удивлению видим, что среди педвузов третьей группы набрали очков больше всех. И у Родичева результат 35 метров 20 сантиметров, и у Рябчиковой — 10 метров 90 сантиметров. Оказалось, что Александр Тихонович оценил ошибочно контрольные 35 метров и 11 метров на метр короче. Обрадовались, конечно, а Саша подсчитал, что теперь нас никто не догонит, ведь зачётники выступают надёжные. Да, и Гриша Исаченко в беге на 1500 метров, и Аня Кудрина в беге на 800 метров, и Родичев в прыжках в длину нормы (между третьим и вторым разрядами) успешно выполнили.

Завершался день эстафетами 4 × 100 метров. Девушки пробежали в свою силу, неплохо. И у нас, юношей, результат приличный (46,2 секунды). И вдруг в конце диктор объявляет: — За нарушение правил передачи эстафеты дисквалифицированы команды...

Перечислил три, в том числе и нашу. Ким пошёл выяснять: судья в втором этапе зафиксировал, что Германович убежал от Родичева, эстафету они передали вне коридора. А очки-то эстафеты дают хорошие.

На третий день — всего два вида: бег на 400 метров у мужчин и у женщин. Смотрим таблицы: вторые; даже без эстафеты, отстаём от курского института всего на двести очков. У Родичева в команде соперников были знакомые с прошлого года атлеты. Он узнал, что их бегун на 400 метров заболел и не заявлен. И вновь имеем шанс.

Аня Кудрина не подвела, пробежав, как всегда, дистанцию ровно и красиво. А вот мы трое — Аференко, Германович и Исаченко — в норматив 57,5 секунд не уложились. Жаль! Команда заняла второе место.

Приехали в Москву, где прожили четверо суток. На стадионе «Динамо» проходили соревнования по лёгкой атлетике на первенство республик, краёв, областей и городов республиканского подчинения РСФСР. Так как в команде Красноярска из нас были заявлены четверо, то жили мы с другими спортсменами-земляками в каком-то общежитии, причём все (А. Т. Ким о том договорился, деньги на питание ещё были).

На центральном стадионе страны вошли в зачёт результаты по второму разряду: мой на 100 метров, Тамары Тимченко (высота) и Саши Родичева в метании копья. Однако в целом команда Красноярска выступила неважно. В соревнованиях участвовали знаменитые легкоатлеты страны: Кузнецов, установивший накануне рекорд СССР в метании копья (за 78 метров); Александра Чудина, исключительно одарённая, можно сказать — великая, спортсменка. За какой бы вид в беге и в прыжках она ни бралась — везде достигала высот мирового уровня. Стала прыгать в высоту — и вскоре установила рекорд страны, взяв перешагиванием (!) 186 сантиметров. В беге на 80 метров с барьерами сначала она чуть приотстала, и какой-то шутник на весь стадион прокричал:

— Сашка, не поддавайся бабам!

Также накануне рекорд СССР в беге на 5000 метров установил участник Олимпийских игр в Хельсинки горьковчанин Александр Ануфриев, вторым в мире после шведа Хадберга «выбежавший» из 14 минут.

Ануфриев сразу же стал лидером на пятикилометровой дистанции, но к нему приклеился невысокий крепыш с сильными ногами, в красной майке, в длинных футбольных трусах. Бежит даже на поворотах чуть сбоку. Два круга, четыре, семь... Кто такой? И вот диктор объявил:

— Вторым бежит армеец Владимир Куц.

Только на последнем круге Ануфриев оторвался от мало кому известного новичка. После я прочёл интервью с В. Куцем. На вопрос корреспондента: «Зачем вы бежали сбоку, даже на поворотах, ведь это лишние метры?» — он ответил: «Не люблю смотреть в спину впереди бегущего». Известно, что В. Куц с блеском выиграл бег на пять и десять километров на Олимпиаде 1956 года в Мельбурне; после довёл рекорд СССР до уровня 13 минут 35 секунд, некоторое время бывший и мировым. Также известно, что великий спортсмен принёс себя в жертву спорту высоких достижений: перетренировался, заболел и рано умер. Помню также, диктор объявил:

— На наш стадион пришла делегация из Китайской Народной Республики.

С Китаем у нас тогда была большая дружба, мы им здорово помогали во всех областях, относились к китайцам по-родственному. Делегацию КНР, вышедшую на дорожку (почему-то одни девушки в национальных костюмах), стадион приветствовал стоя.

В последний свободный день мы забрели на стадион Юных пионеров. Там учёные из НИИ спорта проводили опыт по определению времени реакции после команды «Марш!». Правда, никто не кричал, а спортсмены стартовали под звук удара двух пластин, начинённых радиодетальями, от них шли провода к колодку. Стартовал и я. Проводившая опыт женщина удивилась и попросила повторить уход со старта. Явно выдержала приличную паузу. Хлопок, срываюсь с колодок. Подошли другие специалисты-исследователи:

— Откуда ты, парень? Поздравляем! У тебя выдающаяся реакция!

Это не хвастовство, а фиксация природного генетического дара. После в Красноярске не раз стартовал с чётким ощущением — после выстрела, но меня возвращали, объявляя фальстарт: просто сигнал до стартера по нервным каналам доходил чуть позже, чем у меня. На подобную несправедливость жаловался и немецкий бегун Армин Хари, побивший застарелый рекорд 1936 года Джесси Оуэнса, пробежав дистанцию за 10,00 секунд. Я же со своей реакцией показал дважды результат первого разряда — 10,8 секунды.

А. Т. Ким ходил в центральный совет общества «Буревестник», где ему дали ведомость на получение со склада трёх комплектов спортокостюмов. Причём стояла цифра «три» без расшифровки. Родичев предложил:

— Давайте я поставлю аккуратно впереди единицу, и получим не три, а тринадцать форм. Надоело ходить в партизанской одежде.

Соблазн велик, но Александр Тихонович, колебавшись, отверг авантюру.

Перед поездкой домой мы четверо отоварили ещё не израсходованные талоны. Набрали пряников, сладостей. Саша укорил:

— А что вы дорогой есть будете?

Но за неимением продуктов он вынужден был взять только кусок сливочного масла. Ехали впроголодь. Маслом набили литровую банку и поставили её у окна вагона. Содержимое банки на солнце растаяло, причём весь объём занимала однородная коричневого цвета жидкость — вот было качество, не то что ныне с добавками более пятидесяти процентов. Топлёным маслом подкреплялись по очереди — вкус оно имело отменный. Вероятно, было изготовлено по старинному русскому рецепту, ведь в конце девятнадцатого — начале двадцатого

веков русское масло постоянно получало премии на международных ярмарках и выставках.

Так за полмесяца получил много ярких, до сих пор не забытых впечатлений. Спасибо спорту!

Без вины виноваты

В 1954 году Министерство просвещения РСФСР и спортивное общество «Буревестник» приняли решение об изменении календаря соревнований команд пединститутов по лёгкой атлетике. Вводился двухлетний цикл: сначала проводить встречи по округам, а на следующий год собирать команды-призёры.

И вот в конце июня 1954 года мы поехали в Благовещенск на соревнования педвузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Как помню, боролись за три призовых места, кроме команды хозяев и нас — красноярцев, легкоатлеты из Владивостока, Иркутска, Читы, Улан-Удэ, Ворошилова, Хабаровска, Биробиджана. Зачёт — по тем же видам, как и в прошлое лето, по третьему разряду.

У нас изменения незначительны: центральная фигура — аспирант Александр Родичев, прекрасный атлет и авторитетный наставник. Возглавлял команду тренер Константин Николаевич Бойко. Он окончил Красноярский техникум физкультуры, институт имени Лесгафта в Ленинграде, вернулся домой, работал тренером, занятия проводил, лекции читал. Строен, красив, эlegantен. Начал хорошо. Сам участвовал в соревнованиях, метал копье, прыгал в высоту способом «перекат».

Перед соперничеством с планкой выпивал стакан шампанского, брал высоту 180 сантиметров, иногда 185, что было тогда нормой первого разряда. Советские прыгуны долго не могли одолеть два метра; планку поднимали только через пять сантиметров, и высотники застряли на 1,95 метра.

Появились новые способы — «перекидной», «фосбери-флоп». Барьер прорвали, и дело пошло: появился В. Брумель и другие ребята, ставшие победителями и призёрами Олимпийских игр, мировых и европейских первенств.

Из-за неудач в личной жизни Константин Николаевич стал попивать, отяжелел, слегка обрюзг. Но дело знал, авторитет пока не терял, был уравновешен, добр.

Поезд понёс нас от срединного красноярского меридиана теперь на восток великой страны.

Лёжа на полках, часами смотрели зачарованно в окна. После Тайшета красноярскую лесостепь сменили хвойные леса. За Иркутском начались окаймляющие Байкал хребты, горы и в них несколько тоннелей. По сторонам дороги несколько раз после резко прозвучавших взрывов поднимались вверх рваные облака густого дыма. Готовились площадки под опоры ЛЭП.

По какой-то причине поезд несколько раз стоял часами. Одна остановка там, где рельсы проложены по яру буквально в десятках метров от водной кромки легендарного озера Байкал. Спросили начальника поезда:

— Сколько ещё будем стоять?

— Сообщили, что около часа.

— Разрешите нам искупаться.

— Идите, но по свистку—бегом.

На щебенистый берег накатывали не очень большие волны, прибывали плавник, пену. Вода вкусная, как в Енисее, но очень холодная. Рисковать не стали, вернулись. Проводники в конце короткой ночи разбудили нас, чтобы посмотреть на достопримечательность—на силуэт Сталина, выбитый на большой отвесной скале, по легенде, каким-то заключённым, сбежавшим из лагерей. В утреннем тумане довольно далеко мелькнула приметная скала, но без бинокля ничего на ней не разглядели. Потянулись забайкальские степи. Проехали ряд станций с историческими названиями, в том числе станцию Чернышевская. Вот куда сослали истового революционера-демократа, создателя привлекательного образа Рахметова. Воспониалась картина из учебника: на постаменте у виселицы стоит на коленях Чернышевский, а над головой его жандарм ломает шпагу—как символ замены смертной казни на ссылку в Сибирь, на Лену, в рудник.

Географическим и рукотворным чудом казалось то, что сотни километров магистраль шла параллельно Амуру.

На станцию городка Свободный поезд прибыл ночью, с большим опозданием.

Автобус до Благовещенска уходил только в девять утра, а по плану-проспекту уже в десять часов намечен парад участников и сразу после него—первые старты. Константин Николаевич и Саша пошли искать какой-либо транспорт, «голосуя» на выезде из Свободного. Повезло. Шофёр большого грузовика зил-150 («копии» студебеккера) ехал в Благовещенск порожняком и согласился за хорошую плату, с нарушением техники безопасности, взять нас. Ехали весело. Дорога неважная, грунтовая, трясло прилично. Взошло солнце. Воздух был наполнен ароматами трав: по обе стороны до горизонта—степь с малыми рощами. Просматривалось русло притока Амура Зеи. Шутили, пели песни. Шофёр довёз нас на машине до стадиона, окаймлённого тополями, с которых летел белый пух, заметав всё вокруг. Видим сквозь железную сеть огорожи, как по дорожке идут строем под музыку команды.

Наши руководители вернулись скоро:

— Виктор, Дима, быстро переоденьтесь, разминайтесь, через двадцать минут старт бега на сто метров.

В темпе готовимся, растираем мышцы—не шиповать бы. Дорожка плотная, хороша для бега в шиповках; лучше, чем в Красноярске на стадионе «Локомотив». Оба попадаем в финал с хорошими результатами—по 11,5 секунд. В финале Дима бег выигрывает (11,2), я—второй. Организаторы поняли, что команда Красноярского пединститута сильна. И, без срывов выполнив все нормативы, мы играючи завоевали кубок.

Разместили нас, юношей, в зале Благовещенского пединститута: койки, тумбочки, посередине стол, стулья, в кадках фикусы. С нами ребята из Улан-Удэ, в основном метисы, изрядные матерщинники. Кормили прекрасно: бери сколько хочешь добавки; таких вкусных отбивных с косточкой я ни до, ни после нигде не едал. После обеда, конечно же, побежали к Амуру.

Похож, похож Амур-батюшка на Енисей; здесь, у Благовещенска, раза в полтора шире, чем в пределах нашего Сухобузимского района. Берега низменные. На другой стороне—китайский одноэтажный городишко. По воде хорошо разносятся звуки, в основном слышна характерная, высокой тональности, быстрая, отрывистая, как будто бесполойная, китайская речь. В годы японской оккупации Китая в Благовещенске, в прифронтовом городе, по всему берегу шли оборонительные стенки, орудийные доты, пулёмтные гнёзда.

В описываемый год—период крепкой дружбы с Китаем—наша помощь зашкаливала. От бывших стенок и дотов мало что осталось. Граница идёт по середине Амура. Зимой пограничники разрешали коллективные встречи на льду, обмен товарами, торговлю. Пока мы купались и загорали, прошло несколько судов: наши типичные колёсные буксиры, тянущие небольшие баржи, военизированные, вероятно патрульные, катера и один китайский экзотический пароход, точно такой, как «Севрюга» в кино «Волга-Волга». Двигали его не колёса по бокам и не винт, а большое колесо, похожее на турбину с лопатками, расположенное сзади в проёме палубы. На борту—иероглифы. У берега в воде лежали брёвна лиственных пород, старые, с пустой сердцевиной. В одно из них заплыла приличная рыбина. «Ага,—думаю,—попалась!» Просунул руку и отдёргнул от болезненного укуса. Стоящий рядом мальчишка сказал:

— Вам повезло. Это же пиранья, разве не знали? Палец могла оттяпать.

Вечером сходили в кино, а на другой день, в субботу, посетили местный парк с густыми лиственными аллеями. На танцплощадку по карточке участника соревнований вход бесплатный. Танцевальный набор, как и у нас в Атаманово, в Доме отдыха «Таёжный», как и в красноярском парке, всё тот же: триада—вальс, танго, фокстрот—

и добавочно падеспань, краковяк и полька. Всё похоже, и девочки такие же в летних платьицах.

По дороге в общежитие Саша, как бы советуясь, но убедительным тоном, заявил:

— Разрешили жить здесь ещё двое суток. Но нам оставаться смысла нет—деньги на исходе. Константин Николаевич, как видите, поддаёт, с радости, наверное. Завтра после обеда уезжаем!

Так и сделали. Получили кубок, для шику налили в него шампанского, слегка «причастились» и на последнем автобусе поехали в Свободный. Прощай, деревянный русский городок с добрым названием Благовещенск.

Не думал, что ещё раз побываю в нём через тридцать лет. Моя дочь Елена вышла замуж за офицера Руслана А., служить отправили его в город Свободный. Дважды посетил их, зимой и летом. По каким-то делам три офицера на военном «газике» поехали в Благовещенск и взяли по просьбе меня.

Город вырос. Появились целые кварталы хрущёвок, производственные и административные здания, асфальт. Но на другом-то берегу свершилось настоящее чудо—возник новый китайский миллионник.

Мимо станции Свободный на запад шло тогда, в июле 1954 года, всего несколько пассажирских составов, к тому же полных (время отпусков). Предложили на ближайший проходящий поезд плацкартные места в разных вагонах. Купили билеты на них и разбрелись от головы сцепки до хвоста; девушкам хватило денег на постель, ребятам же нет; более того—нам двоим достались верхние боковые полки в вагоне «матери и ребёнка». Под головой—балетки, пиджаки, лежим на голых досках, смотрим в окна, читаем, спим. Ну, это ладно—не привykать, и в общежитии под плотные матрасы на доски на ночь брюки клали: гладить не надо, стрелки—хоть бороду брей. Но окружение, мягко говоря, некомфортное: постоянный детский плач, горшки, молодые мамы в халатах, с открытыми грудями.

Главное позади—кубок, много впечатлений, задел на будущее лето. Впереди—полтора месяца каникул, сенокос. Хороша жизнь! Спасибо спорту!

Осенью прошло несколько соревнований, форма не потерялась. Начались тренировки. И вдруг всю нашу команду приглашает к себе в кабинет ректор В. Ф. Голосов, доктор наук, мужчина солидный, сочетающий доброту со строгостью. Переглядываемся: что случилось? Виктор Федотович читает официоз из министерства, содержание которого примерно таково: после окончания соревнований в Благовещенске спортсмены-студенты устроили коллективную пьянку, вели себя безобразно. Комендант вынужден был вызвать проректора,

и когда тот стал урезонивать хулиганов, в его адрес посыпались непристойные выражения. (Запомнилось такое: «Заткни ему рот тряпкой!») И, конечно, следовали в приказе весьма неприятные выводы: — в вашем вузе не на должном уровне воспитательная работа;

— просим наказать виновных;

— результаты аннулируются, кубок просим вернуть, на финальные соревнования команда в 1955 году не допускается.

Естественно, возмутились мы, ибо уехали раньше всех и в описываемой вакханалии не участвовали. От всех потребовали объяснительные и, по возможности, доказательства о раннем отъезде. Доказательства нашлись. В частности, секретарь хорошо запомнила дату приезда: Бойко сразу в тот же день зашёл к ней с кубком, поезд мог опоздать, но не мог прийти на двое суток раньше.

Отправили депешу в министерство. Там, похоже, подумали: пусть вы раньше уехали, но такие же, как все. И на соревнования не допустили (были приглашены команды педвузов, не участвовавших в отборочном туре в Благовещенске).

Останься мы, вероятно, в общем застолье участие бы приняли, но до описываемой дури не опустились бы.

Под крылом «Буревестника»

Спорт, как воронка, затягивает в свои глубины тех, кто попал в поле его влияния: пока молод и успешен, привлекательна его круговерть. Из-за неприятного недоразумения мы не поехали на спартакиаду-55 российских педвузов. Центральный же совет общества «Буревестник» запланировал в августе в Иркутске проведение соревнований по лёгкой атлетике среди краёв и областей Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Ядром команды края стал наш боевой, закалённый в сражениях в секторах и на дорожках состав. Во второй половине июня нас—девять атлетов под руководством тренера К. М. Бойко—разместили на полтора месяца в Доме отдыха «Учитель»: отдыхайте, тренируйтесь, набирайтесь сил. Условия идеальные: пляж, столовая, актовый зал, библиотека, баня, аллеи-дорожки под куполом старых деревьев.

Дом отдыха располагался в отреставрированном здании бывшего мужского монастыря, на левом берегу Енисея, в десяти километрах выше железнодорожного моста. Невдалеке по крутому склону серпантинном поднималась бывшая монастырская дорога длиной один километр—прекрасное место для зарядки и тренинга: без отдыха вверх и что есть силы—вниз. А какой чудесный вид с горы: так бы и полетел, если были бы крылья. Зададим вопрос: во имя кого и чего такой комфорт? Уже тридцать лет наши недруги

из-за рубежа и внутренняя оппозиция прозаического толка («пятая колонна») гонят чернуху о советском периоде, о русских, используя «обойму» понятий: «режим», «тоталитаризм», «одобрямс», «окупанты» и другое подобное. В устах некоторых «интеллектуалов» это звучит зловеще. Вот, например, ростовский писатель Борис Е. в еженедельной газете «Аргументы и факты» говорит: «Мы отстали от стран Западной Европы на триста семьдесят лет». «Почему?» — интересуется корреспондентка. «Там на триста лет раньше нас возникли университеты». — «Тогда почему отстали не на триста лет, а на триста семьдесят?» — «Выбросьте семьдесят лет советской власти». Что это? Историческая неправда, ложь? Нет, куда хуже: свинство, святотатство, кощунство!

Если оценивать вышеупомянутый локальный фактор о нас, то совсем наоборот: был перегиб не в сторону «тоталитаризма», а в ипостась щедрот государства, в создание излишнего комфорта для слегка одарённых юношей и девушек.

Помню, как Н. С. Хрущёв — противоречивая фигура как историческая личность, но человек весьма находчивый, эмоциональный, — приехал с гостем, президентом США Дуайтом Эйзенхауэром, в Крым, на пляж. Накануне приезда в одной из речей Эйзенхауэр назвал советских людей рабами социализма. Генсека и президента окружила толпа отдыхающих, загорелых и бодрых. «Ну что, рабы социализма, как отдыхаете?» — «Хорошо!» — «Поднимите-ка руки, у кого из вас высшее и среднее образование?» Лес рук. «А теперь поднимите руки те, кому льготную путёвку дали профсоюз или государство?» И вновь подняли почти все. А ведь после страшной, разрушительной войны прошло всего лишь десять лет. Вот и мы за государственные и профсоюзные средства беспечно загорали, читали, вечерами танцевали и смотрели концерты и кино, ежедневно тренировались, удивляя пожилых учительниц, отдыхающих на диванах, расставленных вдоль аллей. На четверо суток съездили в Ачинск, где проводились краевые соревнования общества «Буревестник». К нам добавились хорошие легкоатлеты: спринтер из Ачинска М., стайер из Минусинска Тарбазанов, прыгунья в длину и барьерист. И теперь уже сборная команда краевого уровня вновь вернулась в Дом отдыха. В августе съездили на соревнования в Иркутск. Выступили нормально, результаты показали выше личных рекордов. Конечно, запомнился сам соревновательный процесс в Ачинске и в Иркутске, дорожные посиделки. Спасибо спорту!

Но впечатления о городах — самые поверхностные. Ачинск показался небольшим провинциальным городком, Иркутск — неким историческим артефактом: много бывших купеческих домов, бедные окраины, большие лодки-дощаники на берегу Ангары (подобные тянули в семнадцатом —

девятнадцатом веках по сибирским рекам служилые и казаки). Запомнился в Иркутске рыбный магазин. В стеклянных ваннах плавали довольно большие рыбыны. При нас какой-то гость Иркутска оплатил услугу, продавец острогой рыбу поймал, наколол и понёс в кухню на разделку и поджарку. Как назвать то, из чего состоял, кроме костей, байкальский малосольный омуль? Рыбное «мясо»? Филе? Консистенция? Как ни называй, но нечто, нагулянное им, таяло во рту и было необычайно вкусно.

Правильно делали те организаторы соревнований, как, например, в Ленинграде в 1953 году, которые стремились показать приезжим достопримечательности, рассказать о них, дарили проспекты и книги, давали талоны ещё на два дня после встреч. Вот бы в Ачинске и в Иркутске поведали бы нам об интересной истории этих старинных сибирских городов. Да провезли бы на автобусе, пусть и за плату, по их улицам.

Ныне разездных соревнований на первенство страны, обществ, регионов, округов, великое множество. Для спортсменов высших достижений, профессионалов схема стандартная: самолёт — гостиница — соревнования — гостиница — самолёт. Но ездят и школьники, и студенты. И надо бы в нарушение закрепившихся традиций в смету включить расходы на знакомство с теми городами и посёлками, где встречи проходят.

Ещё один «переломный» год

Недавно в Железногорске я давал интервью юной журналистке-девятикласснице из лицея «Гармония», в котором проработал пятнадцать лет. Оказывается, их кружок готовил очередной номер школьного издания по теме «Успешные люди». И девочка сразу задала вопрос: — Вы успешный человек?

Это хитрое, из обоймы толерантности, понятие вошло в обиход недавно, я не люблю его.

Успешность — это не цель и не оценочная категория жизни. Большинство из нас, детей войны, никогда не помышляло о какой-то успешности. Прожив по сорок-шестьдесят лет при советской власти, руководствовались прежде всего принципами гражданского общественного долга, коллективности, созидательного оптимизма, совести, справедливости, патриотизма.

«Переломными» годами я называю те, в которые по дороге жизни, как у рыцаря на распутье, требуется выбор. Таким был 1952 год: открытие спортивного дара и поступление в пединститут. Таким стал и 1956 год.

В конце июня того года я получил диплом с отличием по специальности учителя физики и астрономии. Мне исполнился ровно двадцать один год, из них четырнадцать лет учился. До выпуска из вуза жил на иждивении родителей

и государства (прекрасные преподаватели, общежитие, стипендия, библиотека, читальный зал). Обретение профессии в России не означает, что роль родителей исчерпана: они продолжают до своей смерти оказывать детям своим самую разную помощь — моральную, бытийную, духовную. И лишь в материальном плане их ответственность формально заканчивается: теперь зарабатывай сам. И негласный договор с государством изменяется: оно вложило многое в тебя — нужна отдача.

У деканата вывесили список школ, в основном сельских, где требовались учителя физики. Среди них Атамановская сш. Идеальный вариант: ехать домой, к родителям, в родную школу. К удивлению выпускников всей группы, я отказался от столь щедрого подарка судьбы — самостоятельности захотелось. Выбрал Сисимскую школу в Даурском районе только потому, что село Сисим стояло на Енисее, к которому прикипел с детства. В Атаманово поехал мой друг Ваня Талашкевич (он первые месяцы даже на квартире моих родителей жил).

Вернувшись в Красноярск, Иван Петрович стал сотрудником Института физики, защитил кандидатскую диссертацию и десятки лет преподавал в политехе.

Несмотря на госэкзамены весной 1956 года, я усиленно тренировался и вышел на пик спортивной формы, функционально был готов прекрасно. Результаты росли, особенно в беге на 100 метров. Дважды выбежал из одиннадцати секунд, что означало в те годы переход от любительства к мастерству. Достаточно сказать, что нас — легкоатлетов, показывающих 10,8–10,9 секунд на стометровке, — было в крае пятеро.

Меня включили в сборную края, предстояли в начале июля соревнования сборных профсоюзных команд в Новосибирске. В беге — зачёт по второму разряду, в технических видах — по третьему. Я, как говорили на спортивном сленге, прикрывал три вида: бег 100 метров, прыжки в длину и толкание ядра, да ещё бежал в эстафетах.

Тренируюсь со спортсменами сборной из разных профсоюзов. И каждое ведомство и общество старается продвинуть своих и создать им наилучшие условия. В конце июня нас всех, выпускников, выселили из нового общежития по проспекту Сталина (ныне проспект Мира) — начинался ремонт. Кафедра физвоспитания выделила мне койку в старом общежитии по улице Лассала, за Качей, где жил на втором и третьем курсах. Там в бывшем Юдинском парке стояли два двухэтажных здания, когда-то кем-то специально построенные как общежития. Узкие, в ширину не более двух метров, коридоры, а по сторонам их — небольшие комнаты четыре на четыре метра. Так вот, у торца здания, выходящего в глухое место бывшего парка, ночью один не только в угловой комнате, но и на всём первом этаже. Не уехали ещё из общежития мой

друг Виктор Рубан и его невеста Люда П. Виктор прибыл в нашу группу физиков откуда-то на последнем курсе. А был он из Уяра, из семьи железнодорожников. Среднего роста, коренаст, чёрен, кудряв, с примесью нерусской крови. По характеру добр, настоящий друг, всегда готовый поддержать, помочь. Оказывается, весной студентам вдруг понравилось спать на свежем воздухе, на сеновале. Да-да! Сбоку рядом тянулся не то старый хлев, не то бывшая конюшня, а поверху — сеновал. Думаю, что кто-либо из сторожей или уборщиц жили тут же, недалеко, и сено косили для скота. И ребята спали, и девчата.

Любовь в те годы была более строгой и чистой. Интимные связи между студентами редки; они если не на сто, то на девяносто процентов означали, что спят рядом будущие супруги. Шло это от русских традиций, от матерей и бабушек. Эпиграф к «Капитанской дочке» — «Береги честь смолоду» — не был пустым призывом: этого мудрого совета старались придерживаться. А какие светлые образы девушек и женщин облагораживали мир, сойдя со страниц русской классики: Тая Ларина, Оксаны и Галины в повестях Гоголя, княжна Мери, Светлана Жуковского, Маша Миронова, десятки других имён. А какие драматические коллизии в ипостасях любви, страстей и секса представили читателям Н. А. Островский («Бесприданница», «Без вины виноватые»), великий Ф. М. Достоевский (семья Мармеладовых, Настасья Филипповна), гениальный Л. Н. Толстой («Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцерова соната», «Живой труп»).

Студенты создавали семьи, как правило, на последних курсах, чтобы ехать вместе. Такое решение приняли В. Рубан и его любовь.

Руководители спортобщества «Буревестник» знали меня уже четыре года, отнесли меня очень хорошо, предложили:

— Всем спортсменам сборной выделены на последнюю неделю перед отъездом талоны на питание. А что, если мы возьмём тебе путёвку в Дом отдыха «Учитель»? Правда, придётся ездить, а в остальном — плюс: наберёшься сил, подзарядишься, отвлечёшься, что полезно в комфортной обстановке.

Круг замкнулся: летом 1955 года в «Учителе» жил я более месяца! Согласился, конечно, но в общежитии на Лассала попросил коменданта койку не убирать. До отъезда осталось двое суток.

Только вошёл в старое общежитие после тренировки, знакомая дежурная сообщила:

— Виктор Рубан утонул!

— Как?! Накануне свадьбы?!

— Пошли они с Людой загорать и купаться на Енисей. Нырнул и не vyplыл. Достали водолазы. Труп уже увезли в Уяр.

В многотысячном Красноярске не было хороших больших пляжей, почти все — и на левом

берегу, и на правом—стихийные. В том числе у городского парка. А там в двадцатые годы стояла электростанция (турбогенератор). Воду брали из реки и отработанный пар спускали в Енисей. На дне были вымыты огромные ямы. В одну из них и затянуло Виктора. Водолазы достали уже не первый труп.

Давно уже в Енисее вода холодная, никто, кроме любителей-моржей, не купается. Но загорать горожане загорают. И по-прежнему пляжи, теперь в миллионнике, стихийные.

Только есть кое-что на острове Отдыха, в протоке на Пашенном. И, конечно же, рядом вездесущие ларьки с пивом.

Жаль Виктора, жаль! Решил поехать в Уяр, проводить в последний путь. На вокзале быстро приобрёл билет на проходящий поезд. Приехал под вечер.

Лежит друг мой хороший, как будто спит. Просидел возле него несколько часов с родственниками и с Людой. Утром пришли ребята, друзья копать могилу.

В пятнадцать ноль-ноль приезжаю в Красноярск, иду в крайспортсовет с уверенностью, что фирменный поезд пойдёт вечером. Там встретили холодно:

— Где пропадали? Команда уехала утром на проходящем поезде. Хорошо, что нашли замену. Однако речь идёт о дисквалификации.

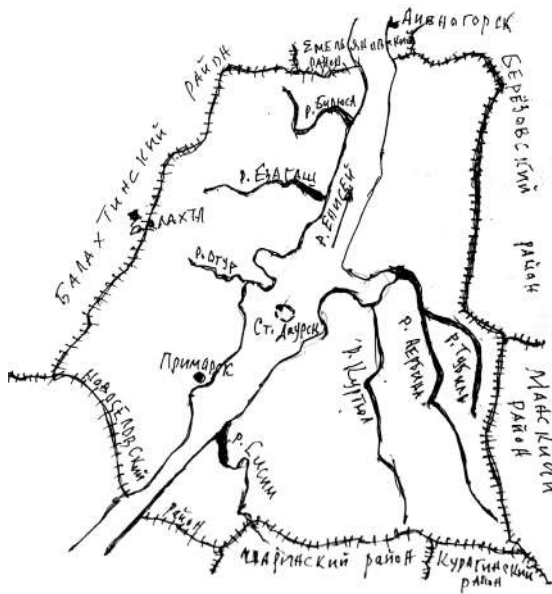
Вот это неожиданность! Решил на следующий день утром на пароходе плыть домой в Атаманово. Где ночевать? На Лассаля?! Устал, и уже вечерело. Всё же поехал в Дом отдыха. Утром прихожу в общежитие за вещами, а там сюрприз—чп! Ночью какой-то качинский хулиган в окно с того глухого торца бросил то ли гранату, то ли взрывное устройство. Взрыв был мощным. Хорошо, что сторож быстро вызвал пожарную машину и хорошо поработал сам. Вынесло несколько рам и дверей. В комнате, где хотел ночевать, со стен и с потолка обвалилась штукатурка. Причём на подушке на моей кровати лежал большой кусок, не менее пяти килограммов.

Так в четвёртый раз какие-то добрые мистические силы отвели от меня смерть или минимум увечья.

В стране Даурии

Выбор и долг

Итак, 17 августа 1956 года из родного села с небольшим чемоданом, куда был утрамбован весь мой скарб, я поплыл на катере в Красноярск, чтобы оттуда добраться до места назначения в Даурский район. С дипломом с отличием, с квалификационным билетом спортсмена первого разряда

Карта Даурского района

по лёгкой атлетике, с тетрадью своих стихов, с грамотой за общественную работу и успешное выступление на городском смотре студенческой самостоятельности еду в малоизвестный посёлок Сисим на ставку учителя физики с месячной зарплатой шестьдесят рублей.

Справедливо ли это? Пусть одарён генетически, старателен, но сколько много вложили в меня семья, школа, институт! И спрос с меня мог быть побольше: мог остаться в аспирантуре, в большой городской школе, на спортивном поприще!

Эти рассуждения появились только сейчас, при написании книги. Тогда же ничего подобного в уме не держал. Сработала система: надо—значит, надо, по-другому никак! Хорошо, что мы обществом были востребованы! Я, крестьянский сын, в бытийном плане был готов к жизни в любых условиях, даже в спартанских, даже в малой деревушке.

Но был ли готов к работе по профессии? И да, и нет!

Какой государственный и общественный заказ после войны, в пятидесятые—шестидесятые годы прошлого века, имела советская школа? И каковы вытекающие из него требования к учителям?

Учить всех, и учить хорошо! Давать базовое научное образование по предметам естественно-математического и гуманитарного спектров.

Я в достаточной мере для учителя знал физику и астрономию как науки. И в дальнейшем теоретические знания постоянно пополнял. Много прочёл специальной литературы, имел сотни книг в личной библиотеке. Двадцать лет выписывал (и полностью прочитывал) серию «Новое в жизни, науке и технике» по двадцать четыре брошюры в год по двум разделам: «Физика, астрономия» и «Космонавтика».

Но школьный предмет физики—это ещё и методика преподавания её, и задачи разной степени трудности, и чуткие пальцы: эксперимент, радиотехника, электронные приборы, киноаппарат, проекционная аппаратура, телескоп, микроскоп, компьютер.

Нас научили составлять планы уроков, структурировать их в пределах классной доски, мела и тетрадей.

Но в прикладном, техническом плане я летом 1956 года был если не полным профаном, то близко к тому.

В процессе работы кое-что освоил, помогали лаборанты, коллеги и продвинутые учащиеся старших классов, знающие и умеющие многое, чего не умел я. Спасибо всем!

В пятидесятые—восемидесятые годы мы жили в идеологизированной стране. Выпускники школ стремились стать общественно-активными людьми, любили свою великую страну, её историю. Определяющим являлся лозунг «Прежде думай о Родине, а потом о себе!»

Это направление пронизывало всю систему школьного образования и воспитания—и через уроки, и через внеклассную работу, через участие детей в конкретных общественно-полезных делах в ученических организациях: октябрятской, пионерской, комсомольской. Я был убеждён в правоте марксистско-ленинских идей; имел опыт комсомольской работы как член комитета ВЛКСМ всего института (один год), как член бюро факультета. Выполнял постоянно общественные поручения. Слыл оратором. Несколько раз избирался председателем общих комсомольских и студенческих собраний, весьма шумных, дискуссионных, с неожиданными перепадами. Критиковали за исполнение сей роли мало, больше сочувствовали.

В этом плане был готов вести за собой, агитировать, увлекать личным примером.

Даурский район (историческая справка)

Даурский район был создан в 1924 году. Он занимал огромную площадь в десять тысяч квадратных километров, тянулся вдоль Енисея на сто двадцать пять вёрст (от бывшего Скита—ныне города Дивногорска—до Новосёловских долин).

Вправо от Енисея уходил вглубь на сто километров, до Манских урманов тайги. Слева от Бирюсы до Чулыма, в районе Балахты,—тоже горно-таёжная местность. Там и там стоянок древних людей обнаружено мало.

В седьмом веке новой эры у рек Чулым, Большой и Малый Июс возник Киргизский каганат. Киргизы террасы у Енисея использовали как пастбища, на лодках плавали мало.

Известные краеведы, учёные—отец и сыновья Рыжако из Балахты—в своём обстоятельном труде «Открытая книга потомкам» пишут, что

на территории будущего Даурского района первые русские поселения Сисим и Мало-Лопатино возникли в 1627 году.

Сомнительно, ибо с востока выход на Енисей, в район рек Сисим и Ижуй, преграждали сотни вёрст непроходимой тайги; с западной стороны не минуешь Чулым, где находился основной улус киргизов, и они вряд бы пришельцев пропустили. С севера, из Енисейска, даже после строительства Красноярского острога в 1628 году приход русских служилых на сто пятьдесят вёрст выше его маловероятен, с юга на лодках—тем более.

Ну ладно—Сисим, а при чём тут Мало-Лопатино вблизи Чулыма? Не исключено, что сам источник информации, используемый дотошными краеведами,—сомнительный (такое в своей полувековой практике встречал не раз).

Во многих трудах по истории Красноярья утверждается, что первым русским поселением на юге региона стал Караульный острог, основанный в 1665 году (почему-то Рыжако датой зачина его считают 1643). В нём несли караульную службу годовальщики. Проживая в Даурске в 1956–1962 годах, я десятки раз бывал в деревнях—в Остроге и в Караульной. Острог находился от райцентра на расстоянии десяти километров, из-за низких берегов стоял в версте от кромки Енисея. Издалека виднелся остов разрушенного храма из кирпича, построенного в конце восемнадцатого века, ибо до этого все церкви в Сибири были деревянными. Если поискать, то, возможно, нашлись бы артефакты из семнадцатого—восемнадцатого веков.

Через два километра вдоль берега Енисея тянулись улицы деревни Караульной, якобы основанной в 1762 году.

Думаю, что первые хозяйственные постройки и загоны для лошадей и скота соорудили здесь на сто лет раньше годовальщики.

В Остроге и в Караульной многие жители носили старинные красноярские фамилии: Потылицыны, Терсковы, Черкашины, Соломатовы,—то есть являлись потомками служилых и казаков.

По соседству с караульщиками, вдоль малого притока Енисея—речки Огур, кочевал улус князца Даура. Весьма интересен факт, что в списках жителей Красноярского уезда за 1671 год значится: «Пеший служилый человек Ивашко Алексеев сын Даур. Живёт в Ясаулово, а у него два пасынка»; «Акимка Яковлев сын Даурский живёт в городе, а у него сын Дейко, 16 лет».

Итак, в начале восемнадцатого века на Енисее возле устья Огура возникло русское поселение Даурское (Даурск).

Есть ли связь енисейского Даурска с забайкальской Даурией, установить вряд ли возможно. В пятидесятые годы двадцатого века к Даурскому району относились пятьдесят четыре населённых пункта: зачаты в семнадцатом веке—шесть;

в восемнадцатом — пять; в девятнадцатом — восемь; в двадцатом — тридцать пять. Жители занимались заготовкой и сплавом леса и в основном сельским хозяйством. Всё население составляло пятнадцать тысяч человек (по полторы души на квадратный километр). В конце 1955 года было принято решение о строительстве самой большой в мире Красноярской ГЭС, с плотиной в сто двадцать метров. Под затопление попадали две с половиной тысячи квадратных километров территории Даурского района.

Но он перестал существовать как отдельная административная единица, влившись в единый Балахтинский район, в 1962 году, ещё до подъёма воды.

Причина другая, политическая: спорный, однако осуществлённый проект Н. С. Хрущёва по объединению районов.

Здравствуй, Даурия!

В путь-дорогу на первый виток спирали трудовой жизни, в неизвестное пока и будоражащее кровь будущее проводил меня из Красноярска добрый, яркий человек — Георгий Александрович Городков.

Он родился на Волге, в городке Тутаеве Ярославской области. С братом Сашей росли сиротами.

Георгий пошёл добровольцем на фронт, устроив брата в детский дом. Смерть не раз покушалась на молодого, красивого, порывистого юношу и, махнув косой, тяжело ранила. В госпитале вспыхнула взаимная, не затухающая никогда после любовь между русым волжанином и медсестрой Клавдией Васильевной Лазаревой с Енисея, из Красноярска.

Он выздоровел, снова воевал, получил звание младшего лейтенанта, писал любимой складные весёлые письма, получал в ответ такие же. После войны пожениться, приехали в Сибирь и стали жить в доме её бабушки Лазаревой-Сухоруковой Ирины Михайловны, по улице Богграда, напротив стадиона «Динамо».

Георгий Александрович работал тогда заместителем начальника Центрального отделения милиции (после нескольких лет возглавлял большой отдел городского увд).

Был воскресный день. Мы с ним прошли по понтонному мосту, сразу за которым, справа у берега, стоял катер «Дербент», идущий вверх, кажется, до Новосёлово. Поцеловались, обнялись, помахали друг другу рукой. Вспоминаю его часто.

Катер пополз у береговой кромки, сто пятьдесят километров с остановками одолел за тринадцать часов.

Народ плыл сельский, доброжелательный, общительный. Центральной темой разговоров было строительство Красноярской ГЭС, создание водохранилища и переселение на новые места.

— Говорят, что все берега очистят от леса. Какой труд предстоит! Ладно, брёвна сплавят, а куда девать сучья, вершины? Сжигать?!

— А вы видели, как после наводнений хвоя становится коричневой, опадает? А стволы, если не спилить, стоят десятки лет, пока не сгниют, не упадут. — Пусть через тридцать лет, через пятьдесят лет — всё равно всплывут. А ведь пишут, что по морю пароходы будут ходить.

— Я в краевом музее видел макет ГЭС с плотиной: сваривать будут гигантскую чашу для судов и поднимать её цепями по наклонным рельсам с зубьями. — Уже определили места новых посёлков. Говорят, что из своих и ведомственных домов будут переселять в коттеджи.

— Слышал, появятся рыбозаводы!

Катер ткнулся носом в песчаный даурский берег уже в темноте. Речной порт в Даурском и Балахтинском районах был создан в начале тридцатых годов на версту ниже бывшего волостного села (с 1924 года — райцентра).

Старый Даурск с северо-востока огибал приток Енисея Огур, собирающий весной много воды со снежных полей и с логов, а потому с мая по июнь разливался широко. В устье размыл широкую долину, по которой летом и осенью тёк скромным малым потоком. За долиной-то и разместили пристань, причалы, нефтебазу, хлебоприёмный пункт.

Работников на госпредприятия из окрестных деревень наехало много, появился новый посёлок с неприятным названием Пристань, в нём несколько улиц и даже семилетняя школа. Конкретно к причалу относились амбар, крытый навес, дебаркадер и малая избушка из тёса, в которой и документы оформлялись, и сторож железную печку топил, и ночевали поздние пассажиры вроде меня. На топчане, кроме соломенного матраца, — ничего. Положил чемодан под голову и заснул.

Оставлен в Даурске

Рабочий день в советских учреждениях начинался в восемь или в девять часов утра. Решил идти пораньше, сначала по мосткам через Огур, далее по центральной улице — она, как и повсеместно, называлась улицей Ленина — свернул в переулочек («язык до Киева доведёт»), где напротив Дома культуры располагались районо и рядом двухэтажная деревянная школа. Дверь в отдел открыта, зашёл, сел на стул, и, вероятно, услышав звук, вышла из кабинета высокая и — лучше слова не подобрать — шикарная женщина.

— Вы ко мне?

— Да, учитель физики, с направлением в Сисимскую школу.

— Заходите.

Сбоку сидят двое солидных мужчин: один полноват, коренаст, смугл; другой русоволос и более подвижен. Заведующая районо Екатерина

Андреевна Абрамчик (фамилию и инициалы её я узнал ещё утром от сторожа) представила:

— Это директор Даурской школы Александр Тихонович Трегубенко и завуч Василий Иванович Богданов. Секретов у нас нет, рады, что вы прибыли.

Подаю направление, характеристику и диплом. Все посмотрели.

— С отличием. Не такой частый случай.

Заведующая просмотрела характеристику:

— Молодец: спортсмен, стихи пишете. Посидите в приёмной, подождите, мы посоветуемся.

И минут через восемь-десять трио «мастодонтов» народного образования района объявили решение:

— Оставляем вас в райцентре, в Даурской школе. Идите туда, подождите.

Конечно, обрадовался!

Как и история, биографии людей не имеют сослагательного наклонения. И всё же продолжим рассуждения по вопросу о возможностях самореализации и долга.

Предположим, если пришёл бы я к заведующей Даурским районо на час позже, то поехал бы, как указано в направлении, в Сисимскую СШ. Что бы изменилось в условиях жизни и работы? Бытовые условия такие же, как в Даурске: постой в квартире у какой-то старушки с льготами — двадцать кубометров дров за зиму и оплата за освещение. За согласие готовить завтраки, обеды и ужины — наём на личные деньги.

В социальной и культурной сферах условия похуже, чем в райцентре, но всё для нормального качества жизни было: магазины сельпо и орса (в сплавной), почта, участковая больница, пристань (ежедневно вверх-вниз ходили пассажирские суда), клуб, библиотека.

Для занятий лёгкой атлетикой с мая по ноябрь — дорожки и поляны вокруг села, знай бегай. Зимой — только школьный коридор. Для выражения общественной активности и другой своей страсти — творчества — возможности немалые.

Подряд три населённых пункта. Посередине — село Сисим с проживанием лесников и колхозников (тысяча человек). Выше него по Енисею в трёх километрах — старинная казачья станица Корякова и в ней центр большого колхоза (четыреста человек). А ниже, тоже недалеко, в устье речки Шахабаихи, — лесопункт и вторая сплавная: коттеджи для постоянных и общезития для временных рабочих (двести человек).

На противоположной стороне Енисея — два приличных колхозных села: Караульная (через неё зимой ездили в Даурск и далее) и Ижуль.

В сентябре ездил бы со старшеклассниками на уборочную в Коряково. Зимой ходил бы на фермы в красные уголки — лекции читать, боевые листки выпускать. В клубе — самодеятельность: читай свои стихи, создавай агитбригаду. Конечно, личная

семейная жизнь пошла бы по-другому, но это уже возврат к дилемме: если бы да кабы. Главное — что был нужен, востребован!

В учительской семье

О педагогических коллективах приходилось слышать разные оценочные характеристики: сильные и слабые, скандальные, дружные, сборные, сложные, опытные. Я работал в двух сельских и в трёх городских школах: учителем, завучем, директором. Неплохо знал ещё четыре десятка педколлективов школ в Даурском, Сухобузимском районах и в Железногорске (Красноярске-26). Все вышеперечисленные характеристики педагогических коллективов имели и имеют место быть. Как гражданин, проживший долгую жизнь, как педагог с большим стажем и опытный руководитель, свидетельствую и утверждаю, что школы советского периода, их педколлективы заслуживают самой высокой оценки. Они давали неплохие знания по базисному курсу, выпускали юношей и девушек с активной гражданской позицией и высокими нравственными идеалами.

У большинства в трёх поколениях советских людей воспоминания о школе светлые и яркие. Негативно отзываются о ней в основном представители так называемой «пятой колонны», которые уже «в утробе матери» знали, какой общественный строй «самый лучший», и стали развитыми и умными не благодаря, а вопреки.

В Даурском районе было четыре средних школы. Причём по правую лесостепную сторону от Енисея — одна Даурская СШ. К ней примыкали шесть школ, дающих образование за семь (восемь, девять) классов, и, соответственно, через них, по нисходящей, восемь начальных.

Конечно, районное начальство прежде всего обеспечивало её добротными кадрами. Принципы создания профессиональных, дружных, хороших педколлективов сформулировал А. С. Макаренко: три поколения учителей и воспитателей, энергичных, любящих своё дело, с разными интересами, в том числе не менее одной трети (лучше половина) мужчин. Но реальность в стране сложилась такой, что школы держатся в основном на женщинах, спасибо им и слава им! Многие лета тянут женщины телегу народного образования по ухабам жёстких требований, поисков и реформ.

Коллектив Даурской СШ в те годы соответствовал макаренковским принципам — в нём работало достаточно мужчин: в 1956–1957 учебном году, кроме меня, ещё десять специалистов, весьма одарённых, любящих детей.

Директор школы Александр Тихонович Трегубенко был грузноват, одышлив, лобаст, мудр и относился к когорте тех народных педагогов, о которых

Педагогический коллектив Даурской средней школы (сентябрь, 1956 год). Сидит в центре директор А. Т. Трегубенко, слева от него — завуч В. И. Богданов. Стоит крайний справа — автор книги.

мечтала княгиня Тенишева: знал сельскую жизнь, стремился сделать её лучше, любил детей, всех учителей и девочек-старшекласниц звал на «вы», требования предъявлял разумные, они неуклонно исполнялись. На педсоветах и на августовских учительских конференциях Трегубенко выступал без конъюнктурных изысков и лозунгов, по делу, по существу, авторитет в районе имел большой. Преподавал историю. Сходил с ребятами в поход к горе Чалпан, написал о том книгу «По таёжным тропам»; её, редкую в подобном жанре в те времена, в зелёном переплёте, я купил накануне, как любитель походов; и вот — увидел воочию автора.

Богданов Василий Иванович — известный в крае педагог-новатор, завуч (учитель учителей) от Бога. Приехал в Даурск в 1938 году молодым специалистом — учителем математики после окончания Московского областного пединститута имени В. И. Ленина.

Типичный русак: белобрыс, круглолиц, с большой головой, «ладно скроен, крепко сшит», с окаяющим выговором выходца из Центральной России. Сам вёл уроки блестяще, артистично. Присутствуя на них гостем-слушателем, я сидел, разинув рот. Василий Иванович предлагал много примеров, простых и сложных, написанных на листиках из ватмана, которые доставал из карманчика, как чудесник. Создавалось впечатление, что нет учащего и учащихся, старшеклассники сами познавали новое вместе с учителем. Постоянно посещать уроки у всех учителей — обязанность завуча. Богданов разбирал уроки дотошно, спокойно, не назидательно, указывал на плюсы и минусы, на находки и просчёты, причём в динамике — имел на каждого тетрадь. Однажды выдал мне комплимент: «Ты напоминаешь меня молодого!» Может быть. Но богдановского уровня я не достиг.

С Василием Ивановичем встретились через пятнадцать лет на краевом совещании; я — как директор школы №99 в Красноярске-26, он — в должности директора Зыковской средней школы. По ходу совещания понял, что Богданов известен в краевом педагогическом сообществе, его ценят.

Ячменев Александр Михайлович. Не знаю, какое образование имел этот незаурядный человек, но помню, что он интересно, с демонстрацией максимума возможных опытов, проводил уроки физики в шестых-седьмых классах, умел многое. Исполнял за условную плату обязанности лаборанта.

Школа имела две автомашины старых марок: полторку АМО (на ней ездил завхоз, мужчина грамотный и деловой, по фамилии Черепанов) и газогенераторный ЗИС с двумя большими автоклавами по бокам, в которых сжигались чурочки без доступа воздуха, и на газе работал мотор. Этот раритет, этот «монстр» слушался только Ячменева. В хрущёвские годы в сёлах всё должно было служить сельхозпроизводству, потому агитбригада школы ежегодно в период уборочной разъезжала на газоходе. Александр Михайлович не только шоферил, но и концерты вёл, как правский, обладающий юмором конференсье. Использовал он с успехом такой приём: знакомым зрителям незаметно раздавал вопросы, просил, чтобы они их озвучивали. Помню один из таких вопросов.

А. М. Ячменев: «Судя по аплодисментам, концерт вам нравится. Возможно, у вас вопросы возникли, советы, всё учтём».

Вопрос из зала: «А куда вы поедете дальше?»

А. М. Ячменев: «На следующий вечер будем в Коляжике, далее намечаем путь в Огур. А если чурочки хватит, то думаем поехать в Москву!»

Оглушительный смех. Ту шутку использую и при прожектёрских планах говорю: «Сделаем (съездим, соорудим), если „чурочки хватит“!»

Сильнягин Иван Иванович. Мне в жизни удалось пообщаться со специалистами — выпускниками гимназий, семинарий, реальных училищ, родившимися в конце девятнадцатого века: со знаменитыми капитанами М. Е. Лиханским, М. Д. Селивановым, с врачами Г. Г. Тюменцевым, Я. М. Гершевичем, с агрономом В. В. Супруненко, с волостным писарем П. К. Матониным, с учительницей А. В. Григорьевой. К их числу относится и И. И. Сильнягин, работавший последний год перед пенсией в Даурской США.

Всегда поражала похожесть старых российских интеллигентов друг на друга по их отношению к служению делу своему как к долгу; по их манере общения — спокойной, уважительной; по чувству достоинства.

При встречах Иван Иванович подавал руку, как старший, первым. Был худощав, подвижен, но не суетлив; чувствовалось, что непросто, как бы хранит тайные особые знания. Много позже узнал, что он был участником Первой мировой и Гражданской войн; десятки лет руководил Даурской школой: министерской начальной, ставшей семилетней (шкм) и, наконец, средней. Уехав после затопления в Дивногорск, И. И. Сильнягин перед кончиной издал там книгу очерков по истории Даурского района.

Темеров Николай Иванович. У Темерова, как у потомка первых красноярских казаков-годовальщиков, была примесь угро-финской (от зырян) крови, что внешне выражалось в гибкой стати, в лице.

Говорил он нараспев, увлечённо, приятным баритоном; подростки любили слушать своего учителя литературы. Был аккуратен, щепетилен, постоянно подолгу сидел в учительской за проверкой тетрадей по русскому языку, делал комментарии, часто восторженные, иногда критические; лентяев не любил. Сам трудился истово. Основную площадь двора и значительную часть огорода занимали цветы. Нередко приносил букеты в учительскую и в классы. Многие коллеги заимствовали у Николая Ивановича рассаду, семена, многолетники.

Ананьев Василий Данилович. В истории рода Ананьевых из Даурска есть несколько удивительных страниц. Я два года (один год вдвоём с женой) жил у них на квартире, в комнате из двух половин с отдельным от хозяев входом из общих сеней.

Где родился хозяин, Ананьев Данила, не знаю, но, по его рассказам, он в начале двадцатого века уже служил на флоте в Кронштадте. В 1904–1905 годах на одном из кораблей русской эскадры проплыл по трём океанам. В Цусимском проливе

тонул, его спасли, взяли в плен японцы. Известно, что освободили русских моряков по историческому меркам быстро, и Данила Ананьев вернулся домой по суше: часть пути — зимой на санях, часть — по Транссибу. Наверное, семья жила в Енисейской губернии, может, и в Даурске, где много видевший и много переживший солдат остановился, семью завёл. Как грамотного, опытного человека, избрали его в Даурске волостным старшиной. Когда мы квартировали с женой у Ананьевых, старый хозяин, уже немощный старик, читал без очков одну за другой книги.

Сын его Василий был энергичен и красив, преподавал математику, имел природный дар — голос, баритон красивого тембра. На сцене Дома культуры исполнял арию Гремина, гимн Гименею, романсы. Жаль — иногда чрезмерно поддавал. <...>

Итак, я работал в дружной учительской семье, жил у хорошей хозяйки на квартире, в добротном доме, вместе с учителем биологии П. И. Шатуновым, вёл дневник, читал книги и газеты, посещал Дом культуры, тренировался.

Конец того года ознаменовался важным событием: прошли Олимпийские игры в Мельбурне (Олимпиада Вл. Куца). За играми следил внимательно, пока без записей, слушал радио, читал «Советский спорт».

Вышло очень важное и своевременное постановление о школе, о трудовом обучении и воспитании — о введении в программу по два часа в неделю уроков труда в первых-седьмых классах. Началось создание специальных кабинетов, пришкольных участков, строительство мастерских. Вводилась обязательная трудовая практика в июне: в первых-четвёртых классах — в течение недели по два часа; в пятых-шестых — две недели по три часа; в восьмых-девятых классах — четыре недели по четыре часа.

Произошёл путч в Венгрии; фотографии коммунистов, приколотых через рот штыками к земле, вызывали жуткое впечатление и протест.

В зимние каникулы директор школы дал мне неделю отпуска, чтобы съездить в Красноярск и домой в Атаманово. В конце ноября — в декабре (в зависимости от погоды) Енисей окончательно застывал, и открывался маршрут Даурск — Красноярск, на две трети по льду, по торосам. Никто за этой «дорогой жизни» не следил; она возникала стихийно, определялась от деревни до деревни природными факторами. И полгода (до середины апреля) по этой сибирской, типично русской трассе и в морозные дни шли автомашины — грузовые с товарами, редко легковые, а также перевозили пассажиров за деньги таксомоторы — бортовые ГАЗ-51 с тентами из брезента на дугах. Туманным утром тридцать первого декабря 1956 года мы — человек пятнадцать пассажиров — расселись внутри

на скамейках вдоль бортов. Хорошо, что послушал хозяйку и надел валенки; попутчик — старшина в лёгких сапогах в обтяжку — всю дорогу стоял, «плясал», переобувался: тент спал от ветра — хиуса, но не от мороза. «Газик» оказался старым, с изъяном: потёк радиатор. Шофёр заливал его не менее десятка раз, набирая воду в резиновый рукав в прорубях и полыньях.

Уже под Красноярском, после Скита (Дивногорска тогда не было), лопнула шина на заднем колесе. Таксомотор-инвалид тянулся по льду в наклон. Перед железнодорожным мостом изжёванная крышка слетела с диска, шофёр приспособил палку, и так, оставя линию за собой, добрались до подъёма на улицу Ломоносова.

С автобуса зашёл в магазин, купил бутылку вермута, чтобы ребят угостить, и — в альма-матер, на ёлку. Возникло ощущение, что за четыре месяца произошли видимые изменения — в расстановке товаров в магазине, в одежде студентов, ставшей более яркой; по-другому, по-новому украшена ёлка; из колонок громче и чище звучит музыка. Нет, то не показалось: начиналась «оттепель». Стало известно, что очередной, по счёту четвёртый, фестиваль молодёжи и студентов в августе 1957 года пройдёт в Москве, и заранее началась к нему подготовка. Было принято решение о проведении летом фестивалей во всех столицах республик, в центрах краёв и областей.

Третьего января посетил краевую выставку технического прикладного творчества школьников в самом широком диапазоне, от самодельных радиоприборов, макетов судов, токарных изделий, выпиленных лобзиком деревянных кружев до коллекций, гербариев, схем, рисунков, вышивок. Весьма впечатлило.

Весной подобная выставка прошла в школе, после — районная в дк. Несколько экспонатов — набор электронных ламп, схему школьной электропроводки — представили мои кружковцы, среди которых выделялся технический «гений», по возрасту мне ровесник, Лёша Рогач, живущий в деревне Ермолаево.

Фестиваль-57

В четверг, пятнадцатого июня 1957 года, на даурской пристани собралась делегация комсомольцев и молодёжи района на краевой фестиваль. Ждали пассажирский пароход. В делегацию входили передовики производства — лучшие доярки, механизаторы, рабочие леспромхоза, лучшие специалисты разных профилей; концертная бригада и спортивные команды городошников, гиревиков, игроков в лапту и легкоатлетов (я в их числе). Праздничный настрой поддерживал активней всех Иосиф Чалкин. Его в 1951–1953 годах не раз встречал в Атаманово — Иосиф приезжал из Норильска воспитателем в пионерский лагерь.

Невысокий, крепко скроенный, ртутно-подвижный, с сильными ногами, он хорошо играл в футбол, сопровождаемая мощные удары не менее мощным криком. На сцене летнего клуба выступал в концертах — красивым бархатным баритоном исполнял популярные песни (там и объявляли его фамилию).

И вдруг в первый же день пребывания в Даурске в окно вижу: идёт Чалкин, в фуфайке, в кирзовых сапогах, в кепке. Неужели он? Откуда и почему? Спросил хозяйку.

— Да, — ответила она, — Чалкин уже второй год работает у нас председателем колхоза.

Одной из хрущёвских инициатив стала реанимация партийного проекта начала тридцатых годов — отправка коммунистов, так называемых двадцатипятилетних, из городов в деревни для укрепления колхозных кадров. И. Чалкина — инструктора райкома КПСС (он переехал в Красноярск, женился на знакомой мне выпускнице КГПИ Лидии Калининой) — отправили в Даурский район, где он в райцентре возглавил колхоз «Путь к коммунизму».

Большие трудности не сломили его, иногда вечерами играл в футбол, участвовал в художественной самодеятельности. В делегации помогал руководителю — секретарю райкома влксм П. Рябченко — и как член концертной бригады (пел арию Дон Кихота).

Раздался крик:

— Идёт!

И вот для меня и ещё многих даурчан сюрприз: причаливает не малый пароходишко «М. Литвинов», совершающий всю навигацию рейсы до Минусинска, а трёхэтажный лайнер-красавец «Серго Орджоникидзе». По Енисею плавал ещё точно такой же его собрат, флагман флота «Иосиф Сталин». Водил его знаменитый капитан Лобастов, с сыном которого Валерием дружил, обучаясь в одном классе в мужской десятой школе Красноярска. Теплоходы перевозили элитную публику до Дудинки. Двух-трёхэтажные пассажирские суда и мощные буксиры с осадкой более двух метров выше Красноярска ходили весьма редко.

В середине июня 1957 года вода стояла ещё большая, потому краевое начальство отправило столь популярный теплоход до Шушенского; он принял на борт более десяти делегаций из южных районов края; мы, даурчане, зашли на него последними. Через пять часов, в течение которых не заканчивалась будоражащая праздничная суета — знакомства, репетиции, танцы, песни, — лайнер причалил к речному вокзалу. Каждый район встречали волонтеры, всех разместили в гостиницах, в общежитиях, в спортзалах; раздали карточки участников, талоны на бесплатное питание в течение трёх дней.

Не знаю изнанку столь масштабного события, но с моей точки зрения участника и наблюдателя первый краевой фестиваль удался на славу.

На другой день прошло его открытие. От улицы Сурикова до площади Героев Гражданской войны состоялось грандиозное шествие. Более пятидесяти делегаций несли знамёна, эмблемы, лозунги, цветы, атрибуты своих деяний (снопы, макеты изделий). Звучала музыка. Почти в каждом коллективе наяривали баянисты, гармонисты, под притоп и прихлоп исполнялись частушки. После митинга, под вечер, началось гуляние, по центру города транспорт не ходил. Казалось, стихийно,— но думаю, что за этим стояла продуманная оргсистема,— то тут, то там возникали очаги зрелищ и общений, пляски, концерты, танцы на основе знаменитой триады: вальс, танго, фокстрот. С лотков продавали мороженое, газировку, алкоголь был под запретом. Погода стояла отменная—тёплые белые ночи, знай отдыхай.

Но главной моей целью было хорошее выступление на секторах и дорожках стадиона. На стадионе «Локомотив» соревновались легкоатлеты городов, на «Динамо» — спортсмены общества «Урожай» из сельских районов. Чувствовал себя превосходно; брат, студент лесотехнического института, подарил мне прекрасные—в обтяжку—шиповки. Легко выиграл стометровку, установил рекорд края для сельчан—одиннадцать целых три десятых секунды (он простоял пять лет). Каждый участник мог выступить только в трёх видах, меня заявили ещё в пятиборье и в беге на двести метров (с параллельным зачётом). Победил там и там, причём в каждом виде многоборья результаты оказались индивидуально лучшими. В эстафете 800-400-200-100 бежал второй этап. В общекомандную копилку мы с Иваном Подопригорой внесли существенный очковый вклад, и наш небольшой по числу жителей подтаёжный район занял неожиданно для многих второе место после объединённой команды Хакасии. Большой успех!

Вручили памятную медаль фестиваля, грамоты и приз—часы «Победа».

Из учителей— в комсомольские секретари

Второй учебный год в школе начался для меня необычно—с месячной командировки в большое село Красный Ключ. Его построили в начале двадцатого века переселенцы с Украины: кацапы (русские) и хохлы (украинцы). В таёжном углу, в верховьях речки Езагаш, они жили небедно, боевито, дружно.

В 1956 году село стало отделением Балахтинского молмясосовхоза. В восьмых-десятых классах в Даурске учились (жили на квартирах) тридцать

ребят и девочек—выпускников Красноключинской семилетки. Поскольку в сёлах края старшекласники месяц не учились—работали на уборке урожая, то в Красном Ключе на месте создали трудовой отряд, руководить которым направили меня.

Жил на квартире у старичков Перковских. Хозяин ночами сторожил в конторе. Хозяйка—добрейшей души человек—относилась ко мне как к родному сыну. Они вырастили пятерых детей: старший сын погиб на фронте, младший служил в армии, две семейных дочери жили тут же, в селе; младшая, Маша, училась в десятом классе. Перковские держали хозяйство, почти весь огромный, в двадцать пять соток, огород засаживали картошкой и целый месяц её убирали.

Своими задачами, как педагог, я считал разумную организацию труда и личный пример—всё время работал сам рядом с учениками.

Управляющий и бригадир это заметили и дали указание нормировщику в конторе оформить меня как временного работающего с начислением заработка.

Картофель, несмотря на ненастную погоду, мы вырвали, спасли от ранних морозов. Меня и ещё троих ребят четырнадцати-пятнадцати лет отправили за три километра от села на полевой стан, где размещалось немало строений, зерноток и работающая круглые сутки сушилка. Мы из бурта деревянными лопатами закидывали зерно в бункер. Электромотор медленно тянул вверх и спускал вниз ленту с металлическими стаканчиками; за один оборот зерно успевало высохнуть в потоке горячего воздуха. Его отгребали в другой бурт. Работа не без усилий, и главное—беспрерывная. Спали мы в теплушке на нарах, питались тут же в столовой.

В субботний день рабочие ночной смены из города вдруг уехали. Бригадир попросил:—Виктор, может, с ребяташками поработаешь ночь?

—Попробуем,—ответил я.

В полночь сушильщик остановил агрегат на осмотр:

—Отдохните!

Показалось, что сразу же, как только нырнул в сон, он поднял меня:

—Буди пацанов, лента пошла!

Как ни расталкивал их—бесполезно: мычат, стонут, переворачиваются, садятся и вновь падают, объятые сном. Жаль ребят. И я один несколько часов работал за двоих взрослых—помогла спортивная закалка; устал, конечно, и тоже отключился.

Только начались занятия в начале октября, вызвал меня в военкомат молодой офицер Гриша Трофимов:

—Нам из штаба округа пришло распоряжение: если есть перспективные спортсмены-разрядники

со средним, высшим образованием, то призвать их и направить в специальное воинское подразделение.

И Григорий ещё доверительно, как хорошо знакомому, сказал:

— Командующий округом генерал Бакланов, заслуженный мастер спорта по гимнастике, решил создать спортивную спецчасть. Поезжай туда, ведь мы тебя, скорее всего, призовём на два года на офицерскую должность!

Неожиданно! Но—закон есть закон: все, кто здоров, обязаны в Советской армии отслужить.

Через день новый вызов—к первому секретарю РК КПСС П. Ф. Губанову. Он, вероятно, навёл обо мне справки, потому отрубил без лишних разглазительствований:

— Комсомольского секретаря Павла Рябченко переводят в другое место, на повышение. Он вместо себя рекомендовал вас. Мы не против. Мне велено тебя направить на собеседование в крайком влксм; в общем отделе возьми командировочное удостоверение.

— Но меня призывают в армию,—я рассказал о встрече с Трофимовым.

— Этот вопрос мы решим! Должность первого секретаря почिще офицерской.

В Красноярске посоветовался с братьями, с друзьями, но решающий совет дала Тамара Шпагина—инструктор крайкома комсомола, выпускница истфака, знакомая по общественной работе в институте:

— Соглашайся! Я знаю тебя—романтика, лидера, всё равно не избежишь руководящей должности. Лучшей практики, чем в комсомоле, нет. А сколько будет встреч, поездок на пленумы, на семинары!

В конце октября 1957 года на районной комсомольской конференции меня избрали первым секретарём Даурского РК влксм.

<...>

Вторые секретари по традиции отвечали за идеологию, за духовную сферу в молодёжной среде. Володя использовал свои умения, своё хобби, можно сказать, по максимуму, исходя из чувства долга и личных интересов.

Одной из многочисленных инициатив красноярского комсомола было распространение книг, прежде всего художественной литературы. К нам пришло положение о соревновании между районными организациями по данному направлению. Большой книгочей Каширин с энтузиазмом возглавил оргкомитет; хорошо помогал нам директор книжного магазина в Даурске Гена Коржавин. Ребята организовали сеть книгонош, провели несколько книжных ярмарок, пригласили в гости знаменитого писателя Алексея Черкасова, который в детстве жил в Даурской волости, в деревнях Потаповой и Покровке. Туда организовали ему

Афренко В. А.—первый секретарь Даурского РК влксм (1957–1961 годы)

поездку. На вечере встречи с ним в ДК продали десятки книг с его автографами.

Наш райком стал победителем краевых соревнований, нам вручили приз—мотоцикл К-20.

В райцентре Владимир создал и тренировал несколько лет футбольную команду.

В 1958–1961 годах мы проигрывали соседям из Балахты: там жителей в два раза больше, к тому же имела автоколонна, где молодые мощные парни играли в футбол хорошо, даже на первенство края по какой-то группе.

Но вот в августе 1962 года наши «кудесники мяча», ведомые виртуозом Кашириным, дважды балахтинцев обыграли.

Мы оба выписывали «Советский спорт», были у нас свои кумиры: у меня—по лёгкой атлетике, у Володи—в футболе. Он боготворил зимой 1957–1958 годов Эдуарда Стрельцова и команду «Торпедо», на базе которой должна была выступить наша сборная на первенстве мира в 1958 году. Но людям нашего поколения, а также историкам и знатокам спорта известно, что Э. Стрельцов накануне совершил преступление, был осуждён. Основу сборной составили игроки московского «Динамо». Мы, конечно, болели за наших, но на том первенстве лучше играли великолепные команды Бразилии с восемнадцатилетним Пеле, Франции, Швеции.

Активная «закваска»

Закваску—кусочек теста на хмелю—сибиряки клали в хлебную квашню, в квас и в солод для браги. Содержимое пузырилось и бродило, придавая особый вкус ковригам, шаньгам и напиткам.

Завершая дискуссию о выборе жизненного пути, о личных интересах и долге, напомним напутствие А. С. Пушкина своим друзьям-декабристам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Отсидев сроки в тюрьмах, они в местах поселения оставили добрую память как просветители, как этнографы, коллекционеры, садоводы. Также вклад в культуру «тёмных углов» империи внесли народники, земские врачи, учителя.

И в советское время на окраинах СССР, прежде всего в Сибири, многие ссыльнопоселенцы служили народу.

Я упоминал уже о специалистах высокого класса в совхозе «Таёжном», о физике Б. Ф. Цомакионе в КГПИ, о хирурге М. С. Ржезникове в Сухобузимском: ссыльные в райцентре в 1946–1953 годах реанимировали электростанцию, угольные шахты, подняли уровень мероприятий в Доме культуры, вели уроки по основным предметам в старших классах школы. Из её двенадцати выпускников 1947 года Б. С. Маслов стал вице-президентом сельхозакадемии, трое — докторами наук, остальные — хорошими специалистами. Они съезжались с разных мест Союза ССР через каждые пять лет на встречу в Сухобузимскую СШ, вспоминали не раз.

В 1983 году я был в Москве, в Долгопрудном, в МФТИ, где, кстати, учился мой сын, — находился на курсах повышения квалификации учителей физики.

Лекции нам читали крупные учёные: например, знакомил с новой отраслью — с акустоэлектроникой — академик В. Гуляев, руководитель Саратовского филиала АН СССР. Ему задали вопрос: — А где вы оканчивали школу? — В посёлке на севере Кировской области. Не удивляйтесь, у нас учителями работали ссыльнопоселенцы из известных учёных.

Если ты готов к передаче людям больших знаний, умений, опыта, то результаты будут даже в глухомани, попал ли ты туда вынужденно, по направлению государственных структур, или абсолютно добровольно.

С учётом вековых традиций по освоению и развитию Сибири оправданной была инициатива Н. С. Хрущёва по отправке за Урал выпускников училищ, техникумов и вузов из центральных областей СССР.

У нас в подтаёжном Даурском районе на комсомольском учёте стояли более трёхсот молодых специалистов: учителя, медработники, инженеры и техники ЛПУ и сплавных, МТС, зоотехники, агрономы, бухгалтеря, экономисты, культработники, офицеры военкомата, нарсудья — «закваска», «затравка» в насыщенном «растворе» бытия в годы общего, в том числе духовного, подъёма в стране. Кроме своих прямых обязанностей, все они (во всяком случае, абсолютное большинство) участвовали в безвозмездных общественных деяниях.

Восемьдесят процентов секретарей комсомольских организаций колхозов, ЛЗУ, учреждений были молодые специалисты. Дважды, в 1958 и в 1962 годах, мы приглашали их в райцентр на слёты,

старались создать праздничную атмосферу (торговля, буфеты, концерты, танцы). Примерно половина из трёхсот приехала издалека, из европейской части страны. Как, например, учителя В. С. Каширин и Р. М. Черкасова, ставшие мужем и женой. Но браки за два положенных года «отработки» девушки заключали с местными парнями, как и парни с местными девушками, и оставались в Сибири. Ныне, к сожалению, наблюдается процесс обратный: массовый отъезд из Сибири и с Дальнего Востока молодёжи — выпускников школ и вузов — в Санкт-Петербург, в Краснодарский край и в другие места, где теплее или ближе к заграничью. Немало их болтается, по словосичью, ненужным балластом «в проруби» на иждивении оставшихся за Уралом родителей (только я знаю десятки таких). Процесс, думаю, уже не остановить; последствия предсказать трудно.

Ныне мнение абсолютного большинства учёных, историков, политологов, экспертов таково: комсомол за семьдесят лет вписал в историю страны наиболее яркие страницы. Вспомним поколения корчагинцев, стахановцев и ударников, покорителей пятого океана и космоса, героев Великой Отечественной войны, девушек-трактористок сороковых годов, строителей новых городов, заводов, шахт, плотин, победителей Олимпиад.

Для миллионов юношей и девушек лозунг «Если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими» не был пустым звуком, имел призывный, буквальный, для многих романтический смысл. А проявить себя в славных делах было где; мы, райкомовцы, поддерживали, развивали спектр возможностей: воскресники, агитационная работа в период выборов в красных уголках, чтение лекций, организация праздников, соревнований, участие в художественной самодеятельности, шефство над пионерами.

Райком влксм в Даурске располагался в бывшем крестьянском доме. На платной основе, с зарплатами пятьдесят-шестьдесят рублей в месяц, работали пять человек: два секретаря, два инструктора и две девушки, заведующие отделами — пионерским и учёта (она же секретарь-машинистка и кассир).

Наша главная задача состояла в том, чтобы сохранить жизнедеятельность общественно-политической молодёжной системы (комсомола) — первичных комсомольских организаций — на всех предприятиях, во всех бригадах, в учреждениях, в классах, с обязательным проведением запротоколированных собраний (один-три раза в квартал), с поручениями, с уплатой членских взносов. Причём система, говоря языком физики, находилась в состоянии динамического равновесия: в комсомоле состояли подростки и молодёжь в возрасте четырнадцати — двадцати восьми лет; «нижняя планка» для нашего района — полторы тысячи человек.

Кроме того, что комсомольцы старались хорошо трудиться и осуществляли массу полезных дел, в ходе их организации, в дискуссиях на комсомольских собраниях, в процессе общения со многими людьми приобретали они навыки будущих крепких хозяйственников, руководителей, лидеров — то была школа развития и личностного роста. Без опыта райкомовской работы я бы не смог на должном уровне исполнять должность завуча и директора школ — девять лет в селе и семнадцать в городе.

У лесников

Н. С. Хрущёв для развития сельского хозяйства в стране сделал многое, вытасил колхозы из вынужденного рабства 1942–1953 годов.

Подтаёжный Даурский район тоже относили к южным, сельскохозяйственным, хотя восемьдесят процентов его территории — восемь тысяч квадратных километров и с правой, и с левой стороны Енисея — занимала горная тайга.

Основной спрос с районных властей свыше был по линии развития сельхозпроизводства. Конечно, комсомол в колхозах и на отделениях совхоза активно участвовал во всех сельхозкампаниях. О его делах нужна отдельная книга, потому предлагаю современным читателям, думаю, интересную главу о комсомольцах Даурского леспромхоза.

Центр ЛПХ находился в селе Усть-Дербино на Енисее. Лес заготавливали на четырёх лзу, на девяти лесопунктах. Всего к лесникам относилось в районе восемнадцать поселений, в них в первичных организациях состояло до пятисот комсомольцев.

Зимой 1960 года в кабине лесовоза я съездил на участок Тубиль, расположенный в ста километрах от Енисея. Летом туда добирались на тракторах, верхом на лошадях или даже пешком.

В посёлке доживали последние дни постройки двадцатых-тридцатых годов; основу его составляли новые двухквартирные коттеджи. Утром и вечером подавался электрический ток от местного динамо; имелись семилетняя школа, медпункт, почта, общежитие, столовая и магазин УРСа.

Основную рабочую силу в двадцатых-тридцатых годах составляли приехавшие по оргнабору или добровольно граждане СССР из разных мест, многие — из соседних сёл.

После войны основным стал контингент ссыльнопоселенцев из Прибалтики и Западной Украины, получившие сроки за преступления в годы войны.

В начале шестидесятых годов они почти все уехали, получив амнистию. И общежития заселили молодые ребята — контрактники, «перекагиполе», тридцать процентов — с комсомольскими билетами.

Остановился у секретаря комсомольской организации лзу Пети Елисеенко. Он окончил семь классов в Покровке, десять классов в Дербино, лесоинженерный факультет Сиблти, получил, как и жена-однокурсница, направление в Тубиль.

Утром, в семь часов, на мотоботе лесозаготовители по узкоколейке поехали на лесосеку и ещё на одиннадцать километров приблизились к границе с Манским районом. День не активированный — всего минус двадцать по Цельсию; активируют при минус тридцати и ниже. Затрещали трелёвочные трактора, завизжали бензопилы, сучкорубы (в основном девушки) взяли топоры. Петя рабочим процессом руководил не торопясь, умело и умно. Я ходил от звена к звену, общался, помогал девчатам — сбрасывал ветки на вершину разделанных деревьев. Обедали в мотоботе. Минут пятнадцать отвечал на разные вопросы.

Вечером в клубе провели комсомольско-молодёжное собрание. На третий день посетил общежитие, школу, почту; на урсовском вездеходе вернулся в Усть-Дербино, ночевал там и завершил командировку беседой по острым вопросам с руководителями ЛПХ.

Технологическая цепь лесопроизводства от дерева в лесу до его доставки в Красноярский док была такой. Брёвна возили из лесосек на нижние склады на берегах горных речек. Хороших дорог не было, только лесовозные, зимние. В тайге морозы прихватывали и в апреле. Приспосабливали режим работы шофёров на лесовозах: выезжали ночью по новому насту, делали два-три рейса до снежной каши, тающей под действием солнечных лучей.

В июне несколько дней на притоках шла большая вода. Объявлялся аврал. Почти все жители посёлков, даже домохозяйки, учителя, служащие, старшекласники, принимали участие в скатке леса.

Конечно, основные кубы стаскивали бульдозеры, но и всем работы хватало: в руках — ломы, багры, ваги, выдавали спецовку, рукавицы, по сто граммов спирта на день.

До запаней доходило в лучшем случае три четверти брёвен, обычно — две трети; тысячи кубометров задерживались на поворотах, в кустах, на островах. И целое лето специальные бригады

гнали так называемое мулё. Присутствовал на этом этапе на речке Езагаш. В её верховьях находился лесоучасток с оригинальным названием Малашка. Звено парней из восьми человек закрывало створки плотины там, где берега повыше. Когда вода набиралась, створки открывали, и ребята без перерыва час-два короткими баграми стаскивали в поток сутунки с мелей, кустов, с островов.

В запанях лес сортировали, набивали и увязывали плоты. Леспромхоз имел два катера, которые буксировали плоты мимо протоков, островов и мелей в Красноярский док. Плавали на катерах по три-четыре человека, комсомольцы. Совершил с ними и я один рейс. Внутри в продолговатом трюме по бокам тянулись лежаки, между ними стоял столик с едой, книгами, газетами, судовым журналом.

В 1961 году Даурский лпх сплав закончил «рано» — в сентябре. Катера арендовало объединение «Хакаслес». В конце октября начались холода, пошла шуга, катера вернуться не успели. Директор лпх Шкаберин получил странную телеграмму: «Замёрзли в ботинках» (?). Оказалось, что суда зазимовали в посёлке Батени Краснотуранского района; на почте телеграфист вместо «в Батенях» написал — «в ботинках».

После создания водохранилища центр леспромхоза переместили в новый посёлок Черёмушки. Лес вывозили сюда в залив; кранами грузили на площадки, которые самоходные суда буксировали до Абакана.

Дороги и ночлеги

Примерно одна треть времени в годы работы секретарём РК ВЛКМ в 1957–1962 годах прошла в командировках. В Красноярск ездил в среднем один раз в квартал, то есть за пять лет — не менее двадцати раз. Летом плавал на судах. Регулярные рейсы до Минусинска и обратно совершали из Красноярска два миниатюрных теплохода на двести мест, построенные в ГДР и доставленные на Енисей, носящие названия «И. Тургенев» и «Н. Некрасов». Выходили они от речного вокзала вечером, приплывали на даурскую пристань рано утром. Пассажиры дремали сидя. Крутая лестница вела вниз, где находились четыре каюты, всегда кем-то «бронированные». Осенью 1958 года я спросил штурмана:

— Можно мне полежать на полу коридора между каютами?

— Можно, при условии, что не будешь мешать другим.

Конечно, в костюме я тогда не стал там валяться. Но после постоянно внизу спал-дремал: брал старый плащ, клал под голову балетку. Неприхотливость — наша семейная черта, с детства спали на полу, на полатах, на сеновале, в балаганах.

Зимой дорога шла по льду Енисея; о том, что она представляла собой, написано выше (с. 29).

Расскажу об одном памятном рейсе в середине апреля 1962 года. Ехали мы в кабине зиса, вёл который шофёр райпотребсоюза Борис Соломагов. От плотины шло два пути: через Слизнево по горам, по долам правого берега, по ещё не асфальтированному тогда шоссе, — и по льду, ровному до самого железнодорожного моста. Конечно, Борис выбрал второй путь, ведь без цепей на горки не забраться. Проехали несколько километров, а впереди по всему плёсу поверх льда разлилась вода, колея едва просматривается. Что делать? Возвращаться обратно, надевать цепи?

— Рискнём?! — не то спросил, не то известил мне шофёр. — Поедем с открытыми дверцами.

Он вёл грузовик, наполковину высунувшись из кабины; был готов к прыжку и я. От колёс расходились небольшие волны. Доехали. Но после стало известно, что здесь ушли под лёд колёсный трактор с прицепом и легковой автомобиль, были жертвы. Так в седьмой раз в жизни что-то отвело от меня старуху с косой.

В русском языке есть оригинальное слово «исколесил» — в смысле, побывал в большинстве мест города, района, угодий. Смысл-то термина определяет корень «колес» — значит, на колёсах.

Да, по дорогам Даурии я проехал тысячи километров на телегах, на велосипеде, на мотоцикле и, конечно же, на автомобилях, посетив не по одному разу все (!) пятьдесят поселений.

Если понятие «исколесил» — от слова «колёса», то, по такому принципу словообразования, о моём передвижении по району можно сказать: «исползил», «исподошвил».

Райком партии содержал конюшню и лошадей. Нам выделили мерина Каурку. Зимами Каурка возил нас с ветерком в кошеве по шоссе и по побочным снежным просёлкам. Под седло он не годился, потому я ездил верхом в седле на более крупных лошадях. И, наконец, пешком по дорогам и тропам Даурии пройдены сотни вёрст. И по необходимости — в распутицу от бригады до бригады по полям, и по желанию — для поддержания формы. Полностью согласен с великим ходоком по Руси Максимом Горьким, сказавшим: «Когда идёшь пешком, то дышишь глубже и видишь дальше».

Во время ходьбы сочинял стихи и читал, было, лекции вслух встречным соснам и берёзам. Однажды в дороге подсчитал число ночлежных мест в домах даурчан, в общежитиях, на полях станах, в конторах, в зданиях школ и даже однажды в кабине трактора. Получилось круглое число — пятьдесят!

Можно подумать, что автор книги — оригинал, человек со странностями. Но это — с нынешней, рациональной точки зрения. Я — сторонник термина

«оттепель». Время было другим, послекультовым, с распахнутой свободой. Дух созидательной романтики двадцатых годов, дух Великой Победы проявился в осуществлении сотен великих строек, в «хрущёвских» десантах «город—село», во всплеске молодёжных инициатив в самых разных сферах жизни, в том числе в спорте и в туризме. Стремление к лучшим результатам, к покорению маршрутов высокой категории сложности, к совершению походов с песнями у костра под гитару стали в пятидесятых-семидесятых годах повсеместными, массовыми.

Уже тринадцать лет приковано внимание россиян к перевалу Дятлова, к загадочной гибели девяти туристов из Свердловска в начале февраля 1959 года. Версий много, истинную причину трагедии вряд ли удастся узнать. Я, как ровесник погибших парней и девчат, хочу обратить внимание на две стороны события. Что подвигло их на труднейший поход? Только стремление проявить себя, возможность этого и, конечно, романтика. В дневниках они не жалуются на дискомфорт, на трудности переездов, переходов, ночлегов; воспринимали их как ожидаемые—знали, куда и зачем шли. Пишут о том, что постоянно пели, дискутировали на тему любви (смотри книгу А. Макаровой «Перевал Дятлова», Москва, ООО «Издательство АТС», 2005).

В таком же настроении жили за три тысячи километров, в центре Сибири, и мы—молодые даурчане. Уверенность в себе, в благополучном исходе перехлёстывала через край. Система государственных органов и общественных организаций страдала бюрократизмом, но не была, как кое-кто пытается представить, безразличной к судьбам людей. К сожалению, с опозданием, но были предприняты меры по поиску группы на приличном уровне: вертолёты, группы поиска в десятки человек, ещё многое необходимое. И опять же, к сожалению, гибли и продолжают гибнуть неискоренимые и неисправимые романтики. Я отноту себя к ним.

Конечно же, спорт в те годы, как и во всей последующей жизни, не отпускал меня ни на день из своих цепких (но добровольных) объятий. Я оставался его активной боевой единицей, организатором, пропагандистом и «суперболевщиком».

В 1958 и 1959 годах тренировался, используя любые возможности; выступал на районных соревнованиях. Результаты оставались на уровне лучших среди сельских спортсменов края: 100 м—11,02-11,5 с, 200 м—23,8-24,0 с; прыжки в длину—за 6 метров, пятиборье—около 3000 очков. В 1958 году в Красноярске прошло первенство общества «Урожай» по лёгкой атлетике среди регионов Сибири. После побед в 1957 году входил в сборную края, готовился к отъезду. Вдруг в субботу звонит директор «Заготзерна» Курбатов:

— Виктор Александрович, выручай. Пришла баржа за овсом, надо срочно загрузить её, иначе предьявят немалую плату за простой!

До этого один раз хлебоприёмный пункт мы выручили, понарилось на дармовщинку. С Курбатовым мы члены бюро райкома КПСС, на заседаниях сидим рядом.

— Ладно,—говорю,—поможем.

Пошёл на погрузку сам, позвал двух инструкторов, организатора из Дома культуры. Мешки с овсом не так тяжелы—пятьдесят-шестьдесят килограммов, подхватываем с транспортёра и кидаем в борт в чрево баржи. Вдруг напарник поскользнулся, и, пока мы убирали куль, другой с транспортёра ударил меня по ноге. Хрустнуло в колене. Не перелом, но сдвиг чашечки, захромал. Прощай, сезон! На соревнования поехал как зритель.

В 1959 году ситуация повторилась. Перед краевым первенством в Ачинске при беге в сырую погоду растянул связку сзади стопы. На тех соревнованиях блистал мой коллега—первый секретарь соседнего Балахтинского района Толя Склепин. В пятиборье его и мои результаты в прыжках в длину и в беге на двести метров были одинаковы; я дальше его метал диск и копёе, зато Анатолий хорошо бегал полтора километра. Жаль, что не встретились. Не состоялся «зарубан» комсомольских вожаков соседних районов.

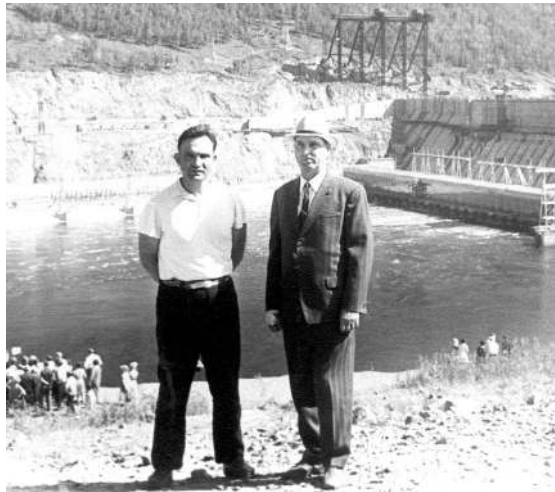
В 1961 году всё же скомпоновал команду легкоатлетов, и мы съездили на краевое первенство общества «Урожай» в город Канск.

Плоды великого проекта

Все годы прошли под знаком строительства Красноярской ГЭС и наполнения водохранилища. Немало славных ребят покинули район, обосновавшись в Дивногорске.

Прочёл я десятки лекций о великой стройке при переполненных залах: даурчан волновал вопрос о переселении, ведь подлежали сносу тридцать семь населённых пунктов из пятидесяти пяти, да и остальные становились бесперспективными. Надо сказать, что процессы заполнения водохранилища и переселения были продуманы, обеспечены финансово и прошли без каких-либо эксцессов. Комиссия провела обмер и общую оценку всех строений вплоть до изгородей, каждый кубометр дерева хорошо оплачивался. Специально созданные бригады по очистке ложа вывозили или сжигали остатки строений.

На новых местах были построены новые же посёлки, в них переехали те, кто жил в ведомственных домах. Владельцы частных усадеб уезжали кто куда хотел. Частники получал половину денег сразу, а вторую им высылали при предьявлении справок о полной зачистке бывших домов и дворов.

Переехали жить в Атомград (Красноярск-26), к старшей дочери, и родители моей жены из Езагаша. Вдруг звонит тесть:

— Виктор, съезди в Езагаш, убери столбы прежних ворот, сельсовет в Александровке не даёт справку по зачистке.

Ещё ходил катер и причаливал к берегам у прежних поселений. Приплыл в Езагаш. Вся площадь прежнего немалого села заросла крапивой, коноплей, лопухами. Ни одного человека.

Хорошо, что догадался прихватить лопату. Да, у входа на прежний двор торчали два толстых листвяжных столба. Целый час затратил, чтобы выкопать яму вокруг одного из них. Сибирские крестьяне строили всё на века, вкапывали столбы на глубину больше метра, в землю вокруг них бросали камни, кирпичи и трамбовали. Да за полсотни лет ещё сверху вырос слой плотной земли. Попробовал столб вытащить вверх — и не шевельнулся он, имея вес полтора-два центнера. Выход один: выкопать от столба канаву длиной два метра и уложить столб в неё. Что и сделал, затратив ещё около часа. Так же и за то же время управился со вторым листвягом.

Подошёл сторож, выдал с подписью стандартную справку о зачистке участка. Я едва не опоздал на идущий снизу катер. Та процедура относилась к разряду перегибов, дури. Первоначально шёл разговор о полной зачистке от деревьев всего будущего ложа водохранилища. Но убрали поселения, забетонировали кладбища, а лес ушёл под воду. После пуска ГЭС пассажиропоток уменьшился мало. Из Красноярска «Ракеты» привозили людей на пристань в Дивногорск, оттуда по мосту на автобусах за плотину, там от дебаркадеров совершали рейсы малые пассажирские суда и «Метеоры». Плавал несколько раз на них до Черёмушек, куда перенесли центр Даурского леспромхоза и где жили родственники жены. По окраине рукотворного моря, где помельче,

торчали верхушки берёз и сосен, с сучьями без игол и листьев, напоминавшие просящие о помощи старческие руки. «Метеоры» совершали рейсы и ночью, освещая себе путь впереди прожекторами. И ни одной аварии. В застойной воде корни не подмывало, а заиливало, отдельные стволы всё же всплывали, но, пропитанные водой, так и оставались на плаву на одном месте. Разве могли всплыть те листвяжные столбы с удельным весом выше, чем H_2O ?

Итак, наш народ совершил очередной подвиг — построил Красноярскую ГЭС. Грандиозный проект на грани фантастики был в главном осуществлён: плещется рукотворное море, ходят по нему суда, на его берегах ежегодно отдыхают тысячи туристов. Уже миллиарды киловатт-часов выработали гидроагрегаты. В созидательном ритме живёт город Дивногорск, есть прекрасные смотровые площадки с Царь-рыбой. Не всё удалось воплотить в жизнь. Не дали ожидаемого эффекта рыбозаводы. Рыбы в водохранилище много, но её непросто ловить. Берега по краям затопленных логов высоки, заросли кустарником, осыпаются. Гниющие под водой деревья выделяют вредные для рыбы вещества, многие особи болеют, заражены солитёрами и всплывают ближе к поверхности. Бывая в Черёмушках, ездил на рыбалку летом и зимой. Местные рыбаки приспособились, лески с наживкой опускают глубоко, ловят здоровые особи сорожек, окуней, ельцов.

Подъёмник — это небывалое сооружение — построили. Планировалось ванную с водой и с кораблём поднимать цепями по гигантским зубцам. Но затраты электроэнергии оказались слишком большими, что не оправдывало сплошные рейсы, да и необходимости в них большой нет: пассажиропоток не очень большой, лес грузят на площадки, которые буксируют до Абакана. На территории Балахтинского района, справа от водохранилища, на бывших землях Даурии, народу живёт мало, тайга наступает. Стало больше зверей, дичи, грибов, дикоросов.

Шесть лет жизни в стране Даурии пролетели быстро. Здесь я приобрёл много знакомых и друзей; опыт и навыки работы с людьми, то есть основу для дальнейших деяний как учителя и директора школы.

Здесь женился, стал членом большого даурского родственного клана; здесь родился сын. Был в добром контакте с руководителями красноярского комсомола, ставшими известными в крае и стране: Юрием Афанасьевым, К. М. Черновым, Л. В. Сизовым, П. С. Федирко, Л. М. Балашовым.

Иногда я смотрю на старые карты и вспоминаю реки, дороги и тропы, по которым плавал, ездил и ходил в годы комсомольской юности.